

Здесь содержится документ, гарантирующий,
что сердце не было получено преступным
путем и не было украдено.

ДАВИД КОН
**ТА САМАЯ
ДРУГАЯ
ДОЧЬ**

Эго маньяка. Детектив-психоанализ

Давид Кон

Та самая другая дочь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4(569.4)
ББК 84(5Изр)-44

Кон Д.

Та самая другая дочь / Д. Кон — «Эксмо», 2021 — (Эго маньяка.
Детектив-психоанализ)

ISBN 978-5-04-119540-3

На Марка Либавина обрушились неприятности. От него ушла жена, он потерял работу. В довершение всего стали мучить ночные кошмары. Известный ясновидящий сказал, что так проявляется кармическая связь с дочерью Марка, погибшей много лет назад. Чтобы успокоить душу, нужно любой ценой найти дочь – теперь уже в ее новом воплощении. Он обнаружил ее в Москве. Бизнес-леди Ирина Викулова. Все у нее было прекрасно до того мгновения, пока Марк не встретился с ней. От руки неизвестного маньяка погибает муж Ирины, а ее саму начинают преследовать бандиты. Марк поклялся найти убийцу, спасти дочь и тем самым распутать кармический узел. Но, увы, все оказалось гораздо сложнее и страшнее...

УДК 821.161.1-312.4(569.4)

ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-04-119540-3

© Кон Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Давид Кон

Та самая другая дочь

© Кон Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Часть первая

Дочь

Глава 1

Глаза у женщины были серо-голубого цвета, и в них горела такая ненависть, что у Марка перехватило дыхание. Когда-то он уже видел эти глаза. Но когда? И где? Мысли прыгали, как обезьяны на ветках, и ему никак не удавалось их успокоить. Где он видел эти глаза? И эти точеные черты лица, эту мушку на правой щеке. И эту прическу. Как она может его преследовать с такой башней на голове? И в этом допотопном платье с кринолином? Глаза не отставали ни на мгновение, и он понимал, что укрыться от них ему все равно не удастся, но бежал. Бежал, спотыкаясь, падая и поднимаясь. Незнакомка не отставала ни на шаг. Она протянула руку и коснулась его плеча. Рука была ледяной, и плечо сразу окоченело. «Господи, успел подумать Марк, где же она так замерзла?!»

Марк попробовал отодвинуться, отстраниться, но ледящий холод в одно мгновение охватил все тело, лишив его возможности пошевелиться. «Я мертв, – осознал он. – Неужели я уже мертв?» Рука женщины потянулась к его лицу. Марк застонал и попытался отступить. Вместо шага получилось неловкое движение, и он едва не упал. Женщина придвинулась ближе и заслонила от него не только горы на горизонте, но и свет, льющийся откуда-то сверху. Ее тонкие светло-розовые губы приблизились к его лицу. Он вскрикнул и застонал...

– Марк! Марк! Марк Викторович! Что с тобой?

Марк открыл глаза и отпрянул. На него надвигались губы. Но не тонкие и не светло-розовые, как во сне, а полные и ярко-красные. Губы секретарши Зиновки. Еще доля секунды, и вокруг губ сфокусировалось лицо – нежные розовые щеки, аккуратно уложенные черные волосы, карие глаза. А в глазах – нескрываемый ужас и неподдельная забота.

– Что с тобой, Марк? Тебе нехорошо?

Он огляделся и узнал собственный кабинет. Афиши на стенах, книжный шкаф с кожаными корешками книг, массивное трюмо, заваленное рукописями пьес никому пока еще не известных драматургов... Господи, он заснул прямо за рабочим столом. А почему Зина прибежала? Неужели он еще и храпел? Какой позор! Ему не хватало только слухов о том, что директор театра «Шер» Марк Либавин превратился в старый разваленный пенёк – дышит на ладан и засыпает прямо за рабочим столом. На язычок актерам только попади! Живого места не оставят. И прозвище Спящая красавица ему обеспечено. Так и будут говорить: «А наша-то Спящая красавица зарплату повышать не намерена?» Хотя... Какая теперь зарплата, не говоря уже о ее повышении!

Марк вспомнил об утреннем разговоре с многолетним спонсором театра, Амиром Бруком, владельцем двух строительных компаний. Брук был мрачен, говорил о трудностях мировой экономики, о повышении цен на нефть и металлоконструкции, о наглости конкурентов. Марк, который с первых слов понял, к чему клонит собеседник, сидел молча. А Брук, закончив рассказ о трудной жизни крупных промышленников проклятиями в адрес доллара, евро, франка, иены и прочих твердых валют, опустил глаза и сказал, что в связи с вышеизложенным он со следующего месяца вынужден прекратить финансирование театра. Оглушенный дурной вестью, еще не понимающий до конца, что произошло, Марк кивнул и молча поднялся из-за стола.

Нельзя сказать, что перспектива такого поворота событий никогда не приходила ему в голову. По театру постоянно ходили слухи о возможном банкротстве Брука. Масла в огонь

подливали газеты, печатая время от времени в своих экономических разделах сообщения об убытках его компаний. Марк, который не был чужд тому, что сам называл «философичностью размышлений», понимал, что все, имеющее начало, должно иметь и конец. В том числе и щедрость Брука. Однако Марк очень надеялся, что этот конец наступит не раньше, чем он сам решит отправиться на заслуженный отдых. Марк отгонял от себя дурные мысли и находил тысячи доводов в пользу того, что желание Брука финансировать театр базируется вовсе не на щедрости мецената, а на точном расчете предпринимателя. Суммы, выделяемые театру, для Брука смехотворны, а имидж покровителя искусств – серьезное подспорье в рекламной кампании остальных его бизнесов. «Какой деловой человек захочет нанести удар по своему престижу? – убеждал себя Марк, отбрасывая в сторону очередную газету с курсами акций. – Это же позор на всю жизнь. Партнеры скажут: «А, это тот Брук, который не сумел поставить на ноги даже театр».

И вот все рухнуло. Доводы уже не имели ни силы, ни смысла. Марк шел к двери, ощущая на спине тяжелый взгляд бизнесмена и лелея надежду, что в последний момент все изменится. Амирам вернет его за стол, тяжело вздохнет и скажет: «Ну ладно, не переживай, я передумал. Годик мы еще продержимся». Но Брук молчал, и Марк сделал шаг через порог его кабинета. Все кончено. Все, чем жил он в последние десять лет, осталось в прошлом. Все, к чему привык и что любил.

Марку нравился театр. Нравились люди, живущие на грошовые зарплаты и думающие о том, как сделать свою работу лучше. Нравился бешеный ритм перед премьерами, когда он ночами не выходил из-за кулис, наблюдая за сборкой и установкой декораций. Он слушал споры художников, успокаивал разгоряченных режиссеров и визгливых драматургов, обожающих оперировать словом «концепция», привозил актерам горячую еду. Актеры ценили его заботу, называли его между собой «дедом». И он защищал их как мог от всех несправедливостей этого мира, считая, что сами они, нежные и ранимые, защитить себя не смогут. И вот все рухнуло. «За что? – подумал Марк. – За что, Господи? Ведь я не воровал, хорошо относился к людям. За что?!»

Марк поднял глаза на Зину. Попросить ее собрать людей и сказать им правду о скором закрытии театра? Нет. Рано. Он еще поборется. В конце концов, не один Амирам Брук есть на белом свете. А театр «Шер» – не последнее место и в этом городе, и в этой стране. Он еще потолкается локтями. Он вытащит свой театр из проблем. И только тогда соберет народ и расскажет всем, что сделал для них Марк Либавин.

– Все в порядке, Зина, – Марк надавил на глаза кончиками больших пальцев и постарался придать голосу максимальную строгость. Она должна понять, что никаких шуточек на тему своей внезапной слабости он не потерпит. – Все нормально. С чего ты взяла, что мне нехорошо? Мне хорошо, и даже очень хорошо!

Голос был хриплым. Он откашлялся и повторил:

– Все в порядке, милая. Просто я устал. Опять плохо спал ночью. Можно сказать, почти не спал. А что, я храпел?

Кажется, она поняла. Смотрит внимательно и строго.

– Не просто храпел, а как-то ужасно стонал. Я перепугалась, решила, что тебе плохо.

Марк закрыл лицо ладонями, стараясь выглядеть как можно более беспечным, зевнул, помассировал виски.

Ему плохо. Зина попала в точку. Ему очень плохо. Так плохо, как не было никогда. Он постоянно носит на сердце какую-то непонятную тяжесть. Она сковывает плечи и грудь, мешает дышать и радоваться жизни. Виной всему эти страшные сны, медленно сводящие его с ума и приходящие всякий раз, как только он закрывает глаза. А теперь к ним прибавился Амирам Брук, сделавший его безработным и породивший в нем страх остаться без куска хлеба. И раньше – Ольга, сделавшая его одиноким, никому не нужным стариком.

...Ольга ушла от Марка месяц назад. Он был занят премьерой и появлялся дома не раньше полуночи. Ольгу заставлял уже спящей. Стараясь не разбудить ее, осторожно заползал под одеяло. Но в тот вечер она не спала. Сидела за столом в своем любимом голубом костюме, который надевала только по особо торжественным случаям.

Марк хотел пошутить по поводу жен, надевающих в полночь свои самые лучшие наряды, чтобы встретить у порога уставшего от многочисленных забот супруга. Но Ольга не приняла шутивого тона и сухо кивнула, приглашая его сесть за стол в гостиной.

– Я ухожу, – сказала она спокойно и негромко, глядя мимо него в дальний угол комнаты. – Мне надоела такая жизнь. Мне надоели твоя ночная работа, твои актеры, твои женщины.

Марк сел. Каким-то внутренним чутьем он понял, что она говорит эти страшные слова не просто так, не пытается запугать его возможным разводом, приструнить или заставить измениться. Она приняла решение. И потому спорить и убеждать бессмысленно. Тогда, сидя за столом в собственной гостиной и пытаясь поймать взгляд Ольги, он впервые ощутил не только смертельную усталость от своей суматошной жизни, но и эту самую тяжесть, сковавшую на долю секунды все тело.

– Ты не хочешь со мной поговорить? – спросил Марк, заранее зная ответ. Спросил просто потому, что должен был что-то сказать.

– О чем? – Ольга пожала плечами. – Мы так долго не говорили друг с другом, что вряд ли один разговор что-то изменит. Да и не хочу я уже ничего менять. Слишком поздно.

Ольга встала из-за стола и подняла заранее собранный чемодан. Она молча стояла перед ним, вероятно, надеясь, что он поднимет глаза на нее. Но Марк смотрел на чемодан. Их старый темно-бордовый чемодан, с которым он не раз летал на гастроли. Как-то, когда Марк вернулся домой из очередной поездки, обнимал в прихожей Ольгу и целовал ее в мягкую щеку, ему в голову пришла мысль: какое счастье, что этот чемодан не умеет говорить. О, ему было о чем рассказать! О ночах страсти с секретаршей Зиночкой, которую он иногда брал на гастроли, оформляя костюмером, об обещаниях, которые он давал debutанткам, жаждущим получить роль, и литераторшам, написавшим свою первую пьесу и мечтавшим пристроить ее в тель-авивский театр. И сейчас, глядя немигающим взглядом, словно в забытии, в бордовый бок чемодана, Марк вдруг подумал, а не раскололся ли этот кожаный мерзавец? Не раскрыл ли свои сверкающие замки, не распахнул ли свое чрево, проложенное изнутри ярко-красным шелком? Нет. Не раскололся. В этом случае Ольга бы не ушла. Надулась бы на пару недель, выставила его из общей спальни, но не ушла бы. Все его шалости со случайными попутчицами в номерах зарубежных гостиниц не причина, чтобы разрушать их совместную жизнь. Все-таки они прожили вместе тридцать семь лет. Тридцать семь! Конечно, от бывлой любви не осталось даже воспоминаний. Но привычка и привязанность чего-то стоят. Он наконец оторвался от чемодана и поднял взгляд на нее. Он ждал, что она разожмет пальцы и чемодан мягко упадет к ее ногам. Потом она тяжело вздохнет, промокнет платочком глаза и сядет напротив. А он обойдет стол, обнимет ее за теплые плечи и в очередной раз пообещает, что у них еще все будет хорошо. И даже промурлычет, конечно, не попадая в ноты, своего любимого Вертинского. Как там было? «Ну не плачь, не плачь, моя красавица. Ну не злись, женулька-жена. В нашей жизни все еще поправится, В нашей жизни столько раз весна!»

Но Ольга не разжала руку, молча погладила его по голове, поцеловала в лоб и вышла в прихожую. Когда хлопнула дверь, Марк подошел к окну. Он видел, как Ольга вышла из подъезда и пошла к новенькому «джипу», стоящему у обочины. Из машины выскочил какой-то мужчина, обнял и поцеловал Ольгу, подхватил чемодан и забросил его в багажник. Марк попытался разглядеть того, кто лишил его жены, но разобрал лишь лысину, сверкнувшую в свете уличного фонаря. Вот в чем причина. А вовсе не в его изменах, не в гастрольных романах, не в debutантках и не в литературных дамах. Она нашла ему замену. Как? Когда она успела? Она давно вышла из возраста внезапной страсти, готовности бежать на край света с любимым и

жить в шалаше. Значит, она давно знакома с этим лысым мужиком. Они встречались. Ездили в его «джипе», ужинали в ресторанах. Гуляли по набережной. Неужели их никто не замечал? Никто из его многочисленных знакомых? А как мог он ничего не замечать? Где он был? Марк ткнул лбом в прохладное стекло. Он готовился к премьерам, мотался по встречам – деловым и не очень, ухлестывал за молодыми дамами, обедал в соседнем кафе и ужинал в рестораничках. И считал, что так будет всегда.

В ту же ночь он впервые увидел страшный сон. Женщину с серо-голубыми глазами, пытавшуюся его убить. Марк проснулся в холодном поту в начале второго, напился воды и залез под одеяло. Но заснуть в эту ночь ему больше так и не удалось.

Этот страшный сон он связал с уходом Ольги. Перед тем как заснуть, он думал о ее предательстве. Вспоминал каждое слово и этого лысого мужика под уличным фонарем. Вот и потащил все эти проблемы в собственное подсознание. Но почему она хотела его убить? Почему тянула руки к его горлу? Неужели она его так ненавидит? За что? Тридцать семь лет их совместной жизни вовсе не были годами мучений. Да, они часто спорили. Иногда даже скандалили. Однажды он назвал Ольгу «дурой». Она плакала. Он извинялся, говорил, что вовсе не это имел в виду. Но ненависть в глазах и руки у горла. Это слишком. И что это на ней за платье с допотопным кринолином и идиотская прическа, как у какой-нибудь фрейлины какой-нибудь Екатерины? Весь следующий день сонный Марк злился, призывал себя «успокоиться и забыть обо всем, что было». Чтобы отвлечься, старался найти себе как можно больше разных дел. Но ночью все повторилось. Та же женщина, те же ненавидящие глаза. Погоня и руки на горле. После второй бессонной ночи Марк сказался больным и остался дома. Днем ему удалось пару часов подремать. Но тяжесть на сердце и туман в голове никуда не делись. С тех пор он потерял покой.

Врачи, к которым пошел Марк, соглашались: конечно, его состояние связано с последними событиями в семейной жизни. Говорили о травме, вошедшей в подсознание. Рекомендовали взять себя в руки, успокоиться, съездить за границу, отдохнуть, расслабиться, заняться аутогенной тренировкой, найти себе любовницу, в конце концов. «Вы же молодой человек, – убеждал его пожилой психотерапевт, телефон которого он нашел в записной книжке, забытой Ольгой. – Взгляните на ситуацию с другой стороны. В 63 года вам представилась возможность начать новую жизнь! Да об этом мечтают многие мужчины!» Марк вышел от врача воодушевленный. Конечно, доктор прав. Ему нужно отдохнуть, расслабиться и успокоиться. В тот же день он с Зиной уехал на Мертвое море. Это казалось ему идеальным сочетанием. Тягучая пропитанная солью вода, теплый песок и молодая красotka с тонкой талией и пышной грудью. Но отдых не помог. Женщина с высокой прической и в пышной юбке продолжала являться, оставляя Марку лишь два-три часа для сна. Каждую ночь он метался по кровати, махал руками, пытаясь поймать ускользавшее наваждение, просыпался в холодном поту и ворочался до утра на влажных скомканных простынях.

...Марк еще раз протер глаза тыльной стороной ладони и взял принесенную Зиной чашку с кофе, продолжая размышлять. Что с ним произошло? Почему его жизнь разваливается на куски? Почему рушатся устои, казавшиеся незыблемыми? Ночные кошмары лишили его покоя и внутренней уверенности в своих силах, уход Ольги – домашнего уюта. Сегодняшний разговор с Бруком лишил его театра. Последнего пристанища. Последней опоры.

Марк сделал большой глоток и поднял глаза на Зину. Она стояла у стола, словно ожидая полного разъяснения ситуации, а скорее всего признательности за преданность.

– Я в порядке, дорогая, – Марк кивнул и поставил чашку на стол. – Все нормально. Просто пригрезилась какая-то чепуха. Не обращай внимания и спасибо тебе за заботу.

Зина расцвела. Привычным секретарским движением она раскрыла блокнот.

– Там пришел этот Веснин. Автор «Любовных страстей». Ты ему назначил на четыре. По поводу покупки его пьесы.

Только этого ему не хватало. Бесед о покупке пьесы. «Для несуществующего театра?» – шепнул внутренний голос. Но Марк заставил его замолчать. Сейчас нельзя расслабляться. Он должен работать как всегда. И все будет нормально. Не может быть, чтобы жизнь поступила с ним так несправедливо. Не может быть.

Марк посмотрел на часы.

– В четыре? Какого же дьявола он явился на четверть часа раньше?! Любовные страсти заели? Пусть посидит. Мне надо привести себя в порядок.

– Налить тебе еще кофе?

– Налей. Покрепче и погорячее. И ему предложи.

– Я уже предложила, – улыбнулась Зина, – но он отказался. Сидит весь из себя такой напряженный. Похоже, он пришел к тебе ругаться.

– А чего ему со мной ругаться, – отмахнулся Марк. – Условия покупки его шедевра не изменятся. Все-таки не Вильям Шекспир.

– Он так не считает. Он уверен в том, что является одним из крупнейших драматургов современности.

– А ты ему скажи, что одним из крупнейших мы считаем того сумасшедшего, что был у меня вчера. Как его?... Бульман? Булькин?

– Бальман.

– Во-во, Бальман. Вот он и есть один из крупнейших. А все остальные – так, мелюзга.

Марк наскоро привел в порядок одежду – затянул узел галстука, отложил поверх него воротник сорочки. Зина принесла и поставила перед ним еще одну чашку кофе.

– Он говорит, что за его «Грезы» сражаются лучшие театры Европы.

Марк на мгновение замер.

– И кто побеждает? – спросил он совершенно серьезно.

– Где? – не поняла Зиновья.

– В сражении лучших театров Европы?

– Об этом он не говорит.

– А ты спроси. И заодно узнай, чего он к нам пришел, если Европа сражается? Не жалко ему Европы?

– Я спросила, – Зиновья улыбнулась. – Он говорит, что им движут патриотические соображения. Он обижен на Европу за ее антисемитизм.

– Господи, – Марк провел ладонью по лбу, – сколько же в этой стране сумасшедших!

Он вспомнил о женщине из своих снов, и неприятная мысль «и ты – один из них» предательски скользнула где-то в глубине мозга. Марк поднял глаза на Зиновью. И уловил насмешку. Неужели и она подумала о том же? Неужели он и вправду сходит с ума? Интересно, как это вообще происходит? Наверное, начинается как у него – со снов и галлюцинаций.

Заканчивая туалет, Марк влажной салфеткой протер глаза и руки.

– Через десять минут запускай ко мне этого гения, – сказал он и добавил: – Что еще?

– А еще тебе звонила Вера.

Тон Зиновьи изменился и стал равнодушно-вкрадчивым. Эту новость она приберегла на сладкое.

– Давно?

Он зевнул, прикрыв рот кулаком, демонстрируя полное равнодушие к этому факту. Звонила и звонила. Мало ли кто ему звонит.

– Полчаса назад.

– И что ты ей сказала?

– Я перевела разговор, но ты не взял трубку, и я ей сказала, что у тебя совещание.

– И что она?

– Спросила, когда ты освободишься. Я ответила, что у тебя дела до восьми.

– А она?

– Она будет тебя ждать в половине девятого там, где вы условились.

– Хорошо.

Зина помедлила, но он наклонил голову к бумагам, демонстрируя, что не собирается обсуждать с ней чьи бы то ни было звонки и свои встречи в вечерние часы на заранее условленном месте. Зина закрыла блокнот и пошла к двери. Взявшись за ручку, она обернулась.

– Вера будет у нас работать?

– У нас? С чего ты взяла?

– Ну... Она актриса... И ты к ней равнодушен... И...

– Зина, – строго перебил он, – в театре будут работать только те, кто необходим театру. А не мне лично. Мне лично, кстати, она тоже не нужна.

Зиночка осторожно прикрыла за собой дверь, но по выражению ее лица Марк понял – не поверила. И черт с ней. Он никому ничем не обязан. Он будет общаться с теми, с кем сочтет нужным. В конце концов, он свободный человек.

Марк откинулся на спинку кресла и еще раз до боли растер глаза ладонями. Только бы не заснуть во время встречи с этим новоявленным гением. Один из крупнейших драматургов современности уж точно расценит его храп как провокацию, направленную как лично против него, так и против всей мировой драматургии.

Глава 2

С Верочкой Марк встретился на тель-авивской набережной около гостиницы «Дан». Она открыла дверцу «Мерседеса» и взглянула на него ясными голубыми глазами.

– Как дела, милый?

Это «милый» больно царапнуло по сердцу. Он даже не понял почему. Но пока Верочка усаживалась в машину (по всем правилам великосветской этики, предусмотренным для женщин, сначала уложила на сиденье свой круглый зад, затем втянула стройные ножки), сообразил: из-за разницы в возрасте. Все-таки ей 31, ему – 63. Какой он ей «милый»? «А вот здесь ты не прав, – усмехнулся Марк, пытаясь отогнать мрачные мысли. – Вот если бы она сказала: «Как дела, дедуля?» – мог бы морщиться».

Видимо, женская интуиция что-то подсказала Верочке и она, захлопнув дверцу, тряхнула тщательно уложенной челкой, положила свою прохладную ладонь на руку Марка, сжимавшую руль, и заглянула в глаза.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось? У тебя взгляд какой-то напряженный.

На этот раз слово «милый» не прозвучало. Неужели эта кукла что-то поняла по тени, мелькнувшей на его лице? Скажите, пожалуйста, какая чуткость! Впрочем, ему наплевать. Ему нет никакого дела ни до ее чуткости, ни до ее подлинного отношения к нему. Он не собирается ни делать ей предложение, ни становиться ее другом на вечные времена. Здесь все просто – «цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи!».

С Верочкой он познакомился на пикнике по случаю дня рождения все того же Амирама Брука. Верочка попала на пикник случайно, страстно мечтала найти себя в театре и кино и ради своей мечты была готова на все. Узнав, что Марк – директор театра «Шер», она так расстрогалась, что он мог овладеть ею прямо там, в лесу под огромной сосной, у подножия которой они беседовали о системе Станиславского. Прекрасные глаза новоявленной актрисы сверкали, грудь вздымалась в унисон дыханию, а полное бедро въезжало в бок Марка с такой страстью, что он едва держался на ногах. Верочка доказывала, что она может не только украсить любой фильм и любую сцену, но и победить на всеизраильском конкурсе красоты, в финансировании которого тоже участвовал Брук. Марк соглашался и поддакивал отчасти из вежливости, отчасти из-за весомости таких аргументов, как полное бедро и высокая грудь, придвигавшихся к нему все ближе и ближе. В какой-то момент Марку показалось, что он не выдержит напора ее доказательств. Правая рука потянулась к подолу ее платья, а левая – к вырезу кофточки, но в последнюю секунду он почувствовал, что съел слишком много жареного мяса, а переизбыток в его возрасте не способствует страсти, и решил перенести процесс овладения будущей звездой сцены и победительницей конкурса красоты на другой день. Ограничившись отеческим поцелуем, он вручил Верочке визитку, предложил звонить в любое время и увел к гостям, в очередной раз кричащим «ура!» в честь именинника.

Разумеется, она позвонила. На следующий же день. Он назначил ей свидание, посчитав это выполнением сразу двух предписаний врача – по поводу любовницы и по поводу отдыха.

– Я решил пригласить режиссера для «Отелло», – сказал он, тронув с места «Мерседес» и косясь на стройные ножки спутницы. Это была ловушка, в которую Верочка с ходу угодила.

– Наконец-то! Представляю, какой будет ажиотаж. «Шер» станет самым модным театром Тель-Авива. А кто будет играть роль Дездемоны?

Марк улыбнулся и, захлопывая ловушку, тихо произнес:

– Трудно сказать. Окончательно решит худсовет. Но... – он помолчал и добавил, – мне бы хотелось, чтобы Дездемону сыграла ты.

Все! Теперь она никуда не денется. Верочка подтвердила его уверенность нежным поцелуем в щеку и многообещающим обзором ложбинки между роскошными грудями.

– Конечно, этот вопрос еще предстоит решать. Все только начинается... И многое зависит от режиссера...

Марк оставил себе путь к отступлению. На самом деле вероятность получения Верочкой роли Дездемоны равна вероятности постановки пьесы «Отелло» на сцене театра «Шер» после прекращения его финансирования. Но Марк врал без угрызений совести. Если театр продолжит жить, он честно организует ей встречу с режиссером и пробы на роль. Ну а если «Шер» закроется... Какие же к нему претензии? Столь отдаленное будущее его занимало незначительно. Гораздо интереснее было думать о сегодняшнем вечере, который должен пройти по простой и понятной схеме – легкий ужин, во время которого ему лучше не переедать, затем поездка по ночному Тель-Авиву с плавным заездом в его ставшую холостяцкой квартиру.

Верочка откинулась на спинку кресла. На ее лице читалось такое блаженство, словно сам Джек Николсон вез ее по голливудской набережной на вручение приза «Оскар». Судя по всему, она не сомневалась, что роль Дездемоны у нее в кармане, и понимала, что теперь ей только предстоит отработать этот билет в царство процветания, богатства и успеха.

– Куда мы едем?

– Поужинаем где-нибудь.

Он никак не мог сообразить, куда ему лучше отправиться – в «Черный бык» или в «Гонолулу». «Черный бык», конечно, подальше, но тамошняя публика, несомненно, произведет на Верочку неизгладимое впечатление, покажет ей, в какое общество она может влиться благодаря его связям. Кроме того, местные проститутки с ногами от ушей способны сбить спесь с любой женщины, заставить ее думать, зачем, в принципе, она нужна этому обеспеченному и уверенному в себе мужчине, если рядом есть такие красотки – роскошные и доступные. В «Гонолулу» все проще. Отдельные кабинеты дают возможность начать любовные ласки прямо за ужином. Так что переезд в его квартиру будет рассматриваться как естественное продолжение вечера. Правда, вести даму в «Гонолулу» и начинать приставать к ней прямо за столом при первом свидании Марк считал дурным тоном. Возможно, это старческое чистоплюйство, но он приберегал «Гонолулу» для последующих встреч. Однако можно и попробовать...

– У меня к тебе просьба, милый.

Опять этот «милый». Нет, она ничего не поняла, эта крашенная кукла. Он тешил себя напрасными надеждами. Плевать. Пусть называет его как хочет. В конце концов, ее глупость поможет ему избавиться от последних угрызений совести, когда он затащит ее в свою постель.

– Просьба? Какая просьба, дорогая? Слушаю тебя. – Марк увеличил скорость, продолжая размышлять, в какую сторону направиться.

– Если ты не очень голоден, мы могли бы заменить ужин другим мероприятием...

– Другим мероприятием? – что-то неприятное шевельнулось в душе. Неужели его ловушка не сработала, и эта ненормальная не намерена сражаться за роль Дездемоны в его постели? – Каким еще мероприятием?

– Ты слышал что-нибудь о Кари Шихарите?

Ситуация нравилась Марку все меньше и меньше. Он решил наплевать на правила приличия. Резко перестроившись, он повернул налево и направил машину в сторону «Гонолулу».

– О ком? – спросил он, стараясь придать своему голосу небрежные нотки. Верочка должна понять: строптивость и глупость приведут к тому, что роль дочери венецианского сенатора, задуманной ревнивым мавром, просто уплывет из ее рук.

– О Кари Шихарите, – выдохнула Верочка.

– Я о таких никогда не слышу, – съязвил Марк, глядя прямо перед собой и изо всех сил напрягая подбородок, чтобы придать своему лицу волевое выражение. – А кто это такой?

– Этого человека называют Великим Пророком.

– Верочка! – Марк ласково улыбнулся, стараясь придать своему взгляду максимум иронии. Сколько же все-таки мусора в головах у этих молодых девок. – Каким еще пророком? Кто

называет? Пророков, как известно, нет в отечестве своем. Да и в других отечествах негусто. Об этом еще Высоцкий пел.

– Марк, ты не знаешь кто такой Шихарита?! – Верочка развернулась к нему всем телом. Груды шумно колыхнулись, и глаза заблестели. «Неплохо, – подумал он, – если она и в постели способна так воодушевиться, это будет совсем недурным приключением».

– Не знаю, – покорно согласился он. – Ты хочешь, чтобы я его узнал?

– Марк! Мне с таким трудом устроили к нему очередь.

– К кому? К пророку? – Марк замотал головой и едва не въехал в зад резко затормозившему грузовику.

– Я тебе сейчас все объясню, – проворковала Верочка и будто случайно провела ладонью по его бедру. – Кари Шихарита – ясновидящий и целитель. Он ездит по всему миру. Люди специально узнают, когда он придет к ним в город, и записываются чуть ли не за год.

– Я вижу, людям совершенно нечем заняться, – зло буркнул он. – Господи, сколько же бездельников развелось на свете! Записываться за год на прием к человеку, который их обманет и возьмет за это деньги.

– Он не берет денег.

– Он не берет денег? – Марк расхохотался почти искренне. – Еще скажи, что он не ест и не пьет.

– Марк, ну почему ты не веришь? Он действительно не берет денег. Просто каждый, кто приходит к нему, платит столько, сколько считает нужным. Кто-то больше, а кто-то вообще ничего не платит. Марк, у меня сегодня очередь к нему. В девять. Ты отвезешь меня туда? Это займет не больше часа. Ну пожалуйста.

Что она задумала? На попытку уйти из его цепких объятий не похоже. Она будет хвататься за роль Дездемоны не только руками, но и всеми остальными частями своего роскошного тела. А что же тогда? Марк изобразил на лице крайнюю степень недовольства и раздражения.

– Вера, мы так хотели провести этот вечер вместе, а теперь? Ты отказываешься?

– Ну что ты, Марк. Мы проведем этот вечер вместе, – Верочка нагнулась, давая ему возможность как следует разглядеть все, что скрывало глубокое декольте. – Ты подождешь меня. Всего час. А потом мы поедem куда ты захочешь.

Хорошенькая перспектива. Чем он будет заниматься целый час. Хотя? Сидение в ресторане тоже не сулило ему большой радости. Он вполне может провести час в каком-нибудь кафе, а затем увезти ее, переполненную впечатлениями от общения с великим пророком, к себе на всю ночь. Марк взглянул в горящие глаза будущей Дездемоны и кивнул.

– Хорошо. Я отвезу тебя к твоему пророку. А что он делает, этот пророк?

– Все, Марк, все. Он предсказывает будущее, помогает решать проблемы, лечит. К нему приходят просто побеседовать. Никто не знает, чем кончится такая беседа.

– Приятно слышать. А чем она может кончиться?

– Были случаи, когда люди в корне менялись от общения с ним. Представляешь, заходит один человек, а выходит другой!

– Кошмар какой-то! – Марк усмехнулся. – А вдруг ты зайдешь к нему, а выйдешь мужчиной с большими усами. Кто тогда будет играть Дездемону? Может, не стоит рисковать?

– Марк, Марк, ты шутишь! А я говорю серьезно.

«Да, – подумал он, – она и в самом деле относится к этой ерунде серьезно. Какая глупость!» Впрочем, он никогда и не надеялся найти в этом роскошном теле бездну ума.

– Командуй! – сказал он, чуть притормаживая перед светофором. – Куда ехать? Прямо? Направо? Налево? Где дурачит народ этот твой Шакавита?

– Шихарита, – поправила она. – Кари Шихарита.

– Хорошо, – Марк покорно кивнул. – Пусть Шихарита. Только скажи, куда ехать.

– На улицу Роках. – Верочка вздрогнула и застыла на сиденье. – Марк. Останови, пожалуйста, машину. Господи, Марк!

Он нажал на педаль и мягко подвел «Мерседес» к тротуару. Нет, у этой девицы явно не все в порядке с мозгами. – Что случилось, Вера?

– Дом 107, – прошептала она. – Он принимает в квартире 12 в доме номер 107.

– Ну и что?

– Да вот же дом 107, – она кивнула за окно. – Ты меня прямо к нему и привез. Ты что, знал, куда я еду? Или ты у него уже был?

– Нигде я не был!

Марк растерянно взглянул за окно. Машина действительно стояла на улице Роках у дома номер 107. Ну и что?! Мало ли в жизни совпадений. Подумаешь, ерунда какая-то. Он ехал в «Гонолулу». Через два квартала направо как раз и будет «Гонолулу». Нет, она точно слишком впечатлительная, эта молодая глупышка.

– Спасибо тебе, Марк. Для меня это такой сюрприз! Делал вид, будто тебе все это неинтересно, а сам ехал прямо сюда. Какой ты милый!

Нет, это уже слишком!

– Вера...

Она перегнулась через сиденье и закрыла ему рот влажным поцелуем:

– Ничего не говори! Ты уже все для меня сделал. Спасибо тебе! Ты проводишь меня до квартиры?

– Конечно!

Она распахнула дверь и выскочила из машины. Марк выключил мотор. Внезапно им овладело какое-то странное воодушевление. Ситуация почему-то начала ему нравиться. Ловко получилось с этим совпадением. Бывает же такое в жизни. Рассказать кому-нибудь, не поверят.

Марк вышел из машины и догнал Верочку в подъезде. Она стояла у лифта, нетерпеливо постукивая каблучком по грязному бетонному полу.

Глава 3

Дверь в двенадцатую квартиру открыл молодой человек с серо-зелеными глазами ангела и бронированной челюстью профессионального убийцы. От столь неожиданного сочетания Марк даже вздрогнул. Жестокость и доброту в одном лице он видел очень давно, когда отец взял его с собой на турнир по боксу. Маленький Марик, сидя в третьем ряду, с ужасом и восторгом наблюдал за боями. Один из них закончился нокаутом, и победитель радостно топтался в своем углу, пока врачи пытались привести в чувство его соперника. Боксер улыбался, махал кому-то рукой и посылал воздушные поцелуи девушкам. Марика охватил ужас. У этого человека, только что бывшего другого по лицу, были добрые светлые глаза. И вообще, он чувствовал себя прекрасно, был очень мил, улыбчив и симпатичен. Марик проследил за врачами, укладывавшими на носилки нокаутированного боксера. Победитель даже не обернулся, чтобы проводить своим добрым взглядом того, кого он только что изувечил...

Ангел-убийца внимательно осмотрел Марка и улыбнулся Верочке:

– Здравствуйте!

– Добрый вечер! – Марк опередил открывшую было рот Верочку. Взгляд ангела-убийцы ему не понравился, и он решил перехватить инициативу. – Вы позволите нам войти?

Ангел-убийца двинул тяжелой челюстью, несколько секунд размышлял, рассматривая что-то на грязном потолке подъезда, затем сделал шаг в сторону и кивнул:

– Пожалуйста.

– Я записывалась через Шиманского, – поспешила внести ясность в ситуацию Верочка. – Аврума Шиманского. Мне назначено на девять.

– Я знаю, – сочным баритоном отозвался ангел-убийца. – Учитель примет вас через пять минут. Но вы не сможете войти к нему со своим спутником. Учитель не беседует ни с кем при свидетелях.

– Разумеется, – хохотнул Марк. – Кому же нужны свидетели?! Тем более при разговоре с красивой и молодой дамой. Но вы можете не беспокоиться. Спутник не имеет намерений заходить к вашему учителю. Я только сопровождаю госпожу и буду вам очень признателен, если вы мне позволите подождать ее.

– Пожалуйста, – сказал ангел-убийца, и его губы скривились в презрительной усмешке, явно относившейся к фразе, произнесенной Марком. – Вы можете пройти в гостиную. Я угощу вас чаем, пока госпожа будет беседовать с Учителем.

Он смотрел на Марка взглядом, каким смотрят на запутавшуюся в неводе рыбешку, слишком мелкую не только для того, чтобы ее есть, но и для того, чтобы суетиться, пытаясь выпустить ее из ловушки. Этот взгляд вывел Марка из себя. Какого черта он здесь выкаблучивается? Устроили притон, вымогают деньги у доверчивых глупцов... Понимает ли этот тип, насколько смешно выглядит все их предприятие со стороны, или уверен, что весь мир действительно готов бухнуться на колени перед его индийским самозванцем?

– В гостиную, – зло передразнил Марк. – А учитель, судя по всему, принимает в спальне. Хочу вас сразу предупредить, что в этой стране существует закон, наказывающий за сексуальные домогательства.

Взгляд ангела-убийцы опять превратился из холодно-равнодушного в презрительно-брезгливый. Он сморщил нос и даже отодвинулся от Марка, словно от того дурно пахло.

– Учитель принимает в своем кабинете, – произнес он тоном школьного учителя, сообщающего нерадивому ученику, что Земля круглая. – А что касается сути вашего замечания, то у учителя нет дурных мыслей, у учителя нет дурных дел, у учителя нет дурных намерений. Это вам скажет каждый, кто общался с ним хотя бы минуту.

– Интересно, как это можно определить за минуту, – буркнул Марк, понимая, что выглядит глупо и ввязывается в совершенно бессмысленную перепалку, но остановиться уже не мог. – Я бы взялся это проверить. Только боюсь, общение со мной не доставит Учителю никакого удовольствия.

Запальчивость Марка, как и прежняя ироничность, не произвела на ангела-убийцу никакого впечатления.

– Учителя нельзя ни удивить, ни обидеть, ни смутить, – бесстрастно проговорил он явно заученную фразу и еще раз криво усмехнулся.

Марк почувствовал, как от этой усмешки у него задрожала жилка под глазом. Черт побери этого мерзавца и его паскудного Учителя. Он ведь специально выводит его из себя.

– Ни обидеть, ни смутить, – выпалил Марк, пытаясь оставаться в рамках приличий, – а если я зайду и скажу ему пару ласковых слов?

После этой фразы ангел-убийца, как всякий телохранитель, должен был напрячься и оттеснить Марка своим телом в сторону кухни или даже входной двери, но он повел себя крайне непрофессионально – тяжело вздохнул и заморгал глазами.

– Слова – это всего лишь слова, – проговорил он. – Обижаться на слова – значит придавать избыточное значение тому, кто их произносит. Ваши слова не обижают Учителя. Он увидит в них очередное испытание, посланное ему Всевышним, и выдержит его, как выдерживал тысячи других – спокойно и с достоинством.

Марк не верил своим ушам. Да, дело здесь поставлено крепко. Телохранитель, готовый ответить на любую провокацию не ударом кулака, а заученным текстом, это что-то новенькое. Жулики не стоят на месте. Этот индийский пророк явно сделал выводы из ошибок своих предшественников. Недаром вся эта галиматья производит впечатление на таких дур, как Верочка. Но какова наглость! «Придавать избыточное значение тому, кто их произносит». А они, значит, не придают. Собака лает, караван идет. И в роли гавкающей собаки он, Марк Любавин. Не последний, между прочим, человек в этой стране.

Ангел-убийца взглянул на часы.

– Ваше время началось, госпожа, – он поклонился Верочке и кивнул в сторону двери, ведущей в глубину квартиры. – Вы можете войти.

Верочка виновато взглянула на Марка.

– Вы здесь не подеретесь без меня?

– Не беспокойся, не подеремся. – Марк постарался придать своему тону максимум доброжелательности. – Молодой человек угостит меня чайком, мы обменяемся парой слов, которыми ни он, ни я не станем придавать «избыточного значения».

Ангел-убийца расправил широченные плечи и улыбнулся почти доброжелательно.

– Вас, я вижу, задела мои слова, – он виновато вздохнул. – Простите, что я даю вам совет, но на вашем месте я не упустил бы возможности зайти к Учителю. Беседа с ним успокоит вас, снимет напряжение. По-моему, вы в этом сейчас нуждаетесь.

Марк хотел сказать что-то очень ядовитое по поводу того, в чем он нуждается, но перед его мысленным взором вдруг возникло чуть удлинненное белоснежное лицо с серо-голубыми холодными глазами под высокой прической. Он почувствовал легкий толчок в спину. Обернулся. За спиной никого. Верочка стояла у двери, не понимая, что ей делать – открыть дверь или отступить, давая дорогу Марку. Марк затравленно огляделся. Неужели она здесь, эта женщина?

– Может быть, действительно, Марк... – проговорила Верочка, берясь за ручку двери.

– У меня нет к нему вопросов, – произнес Марк, почувствовал, как нерешительно звучит его голос, и повернулся к ангелу-убийце. – А как же...

Телохранитель понял его с полуслова.

– Ваша дама зайдет сразу после вас, – проговорил он. – Времени хватит. Следующие посетители будут только через полтора часа...

Верочка отступила от двери. Марк не сделал ни шага. Ангел-убийца обошел его и скрылся за дверью. Через секунду он вновь появился в гостиной.

– Прошу вас, – ангел-убийца придержал дверь. – Учитель разрешает вам войти.

Марк помедлил, бросил короткий взгляд на Верочку, которая кивала ему, широко распахнув глаза, и переступил порог.

Глава 4

Он не сомневался, что «учитель» будет морщинистым стариком в тюрбане с длинной белой бородой. Конечно, он будет стоять на коленях спиной к двери и молиться своим богам. Вокруг будут гореть свечи и дымить ароматизированные палочки. И вообще, вся атмосфера комнаты будет таинственной и мрачной. Молиться Учитель будет не менее пяти минут, чтобы заставить посетителя проникнуться важностью момента и осознанием весомости собеседника. Потом он повернется, сделает вид, будто вышел из глубин своей нирваны и только теперь заметил вошедшего. Он глубоко вздохнет и скажет обязательно нараспев: «Вижу! Вижу, проблемы окружают тебя, чужеземец! Ты не в силах более бороться с ними в одиночку. Я помогу тебе».

Но нарисованная Марком картина развалилась, как только он переступил порог. Навстречу ему из глубины комнаты уверенным пружинистым шагом шел человек лет сорока пяти в просторной белой рубахе и белых свободных брюках из мягкой ткани. Волосы у мужчины были густые и курчавые, борода черная и аккуратно подстриженная. Он смотрел на Марка уверенно, немигающим взглядом, глаза излучали энергию, от которой становилось тепло и уютно.

Не дойдя до Марка двух шагов, человек остановился и церемонно поклонился, сложив перед грудью тонкие ладони с длинными пальцами. Марк ответил поклоном. Он не спросил у телохранителя, на каком языке следует говорить с Учителем. Ивритом тот вряд ли овладел в своих бомбеях. Оставался английский. Но здесь запасов Марка может и не хватить. Хотя первые несколько минут он продержится.

– Проходите, прошу вас! – по-русски, словно отвечая на его мысли, сказал Учитель и показал рукой в темную глубину комнаты. – Мы можем беседовать на иврите, если вы предпочитаете этот язык, но мне показалось, что вам удобнее говорить по-русски.

– Вы знаете все языки? – спросил Марк, стараясь придать своему тону максимум язвительности, но получилось это не очень убедительно.

– Я изучаю их по мере необходимости, – просто ответил собеседник. – Перед поездкой сюда, на Святую землю, я выучил иврит. А скоро я собираюсь отправиться в Москву, и потому выучил русский.

Глаза Марка освоились с полумраком, и он начал различать находящиеся в глубине комнаты предметы обстановки. Собственно, их было три – два массивных кресла и низкий столик с изогнутыми ножками. Пол комнаты покрывал толстый однотонный ковер, на котором в беспорядке было разбросано несколько ярких подушек.

– Проходите, – повторил собеседник, внимательно оглядывая Марка с головы до ног.

– Куда прикажете? – Марк не сводил глаз с Учителя, пытаясь обнаружить в его движениях суетливость афериста. Однако движения индуса были размеренны и неторопливы, словно каждое из них сопровождалось предварительным осознанием.

– Располагайтесь где удобно. Кто-то предпочитает сидеть на полу, кому-то больше нравится кресло. Как вам?

– Пожалуй, кресло, – Марк, стараясь продемонстрировать такие же спокойствие и размеренность, прошел через комнату и сел, плотно прижавшись спиной к матерчатой спинке.

– Я благодарю вас за то, что вы согласились побеседовать со мной, – сказал Учитель, усевшись в кресло напротив и прочно утвердив на ковре ступни, обутые в мягкие тапочки.

– Вы благодарите меня, – Марк усмехнулся, – а я слышал, что люди записываются чуть ли не за год для беседы с вами.

– Полагаю, это преувеличение. Хотя... Я путешествую по всему миру, в одну и ту же страну попадаю не часто. Столь долгое ожидание может быть связано с этим.

– Возможно, – согласился Марк, понимая, что пришла пора задать вопрос, который привел его в эту комнату. Но он никак не мог решить, стоит ли рассказывать первому встречному о своих ночных кошмарах или приберечь эти рассказы для психотерапевта. Однако молчание затягивалось, и он выпалил: – Вы могли бы предсказать мне будущее?

– Предсказать вам будущее? – Марку показалось, что «пророк» удивился совершенно искренне. – Зачем вам это нужно? Вы хотите потерять интерес к жизни?

– Потерять интерес? – Марк немного растерялся. – Неужели мое будущее столь мрачно, что, узнав о нем, я потеряю интерес к жизни?

– Вы не поняли меня. В предсказании любого будущего нет никакого смысла. Любое человеческое тело завершает свой земной путь одним – смертью. Это наше общее будущее, и нам предстоит осознать его смысл. Что же до предсказаний в вашем понимании, то они ослабляют волю человека и лишают его желания изменить свое будущее.

– Изменить будущее?! – Марк почувствовал, что раздражение, овладевшее им за дверью этой комнаты, уходит, уступая место внутренней тишине и покою. «Этот парень скорее всего классный гипнотизер», – подумал он и спросил: – Что значит изменить будущее?

– Это значит найти лучший путь во всем многообразии путей. Не удивляйтесь. Это вполне возможно. Более того, это необходимо.

– Вы хотите сказать, что будущее можно выбирать?

Индус улыбнулся и кивнул.

– В какой-то степени это именно то, что я хочу сказать. Хотя, не скрою, мы ограничены в этом выборе, но определенной свободой все-таки располагаем.

– Звучит заманчиво. Выбор лучшего пути. Выбор лучшего будущего, – Марк заговорил громче. Нет, так дело не пойдет. Он должен освободиться от этой магии, от этого умиротворяющего гипноза. Сейчас он погрязнет в словоблудии, запутается и поверит всему, что наговорит этот индус. Ерунда, ерунда! Это все магия тишины и полумрака. Он знает эти хитрые штучки из арсенала любого шарлатана.

– Именно так, – кивнул Учитель. – Выбор лучшего будущего.

– Уж не возомнили ли вы себя господом богом? – выпалил Марк, сложил руки на груди, но, осознав нелепость своей позы, закинул ногу на ногу. – Вы помогаете людям изменить будущее. Все человечество должно быть вам благодарно и встать в едином порыве перед вами на колени...

– Ни в коем случае. Я всего лишь песчинка в мире, построенном Творцом, и прекрасно осознаю свое место под солнцем. Скажу вам честно, я занимаюсь только своим будущим и ничьим больше. И так же должен поступать любой нормальный человек. Каждый должен строить только свое будущее. И как можно меньше вторгаться в дела других людей.

– Подождите, подождите, – Марк поднял ладони, будто отгораживался от индуса. – Что значит, строить свое будущее? А как же судьба? Или вы в нее не верите?

– Судьба не определяется однозначно. Конечно, у нас есть начертанный путь. Но при движении по нему возможны отклонения. Их выбирает человек. И каждое отклонение ведет к новому пути, который тоже является судьбой.

Марк помедлил, пытаясь осознать суть последней фразы собеседника. В чем его пытается убедить этот Учитель?! Если у человека есть право выбора, то почему же мы всегда выбираем путь страданий?

– Да, человек почти всегда выбирает путь страданий, – неожиданно проговорил Учитель. – Хотя мы никогда не сомневаемся ни в себе, ни в своих убеждениях и всегда считаем, что идем в единственно верном направлении.

Марк вздрогнул. Неужели этот человек с мягкими кошачьими манерами и обволакивающим голосом читает его мысли?

– Почему же так происходит? – спросил Марк, понимая, что ввязывается в разговор, которого, заходя в эту комнату, хотел избежать. – Если Творец создал человека, то почему бы ему не указать нам заодно и путь, на котором нет ни страданий, ни несчастий?

– Потому что мы, ведомые нашим разумом, не станем слушать Творца, – глаза Учителя стали серьезными. – Творец однажды повел нас за собой, но нам этот путь не подошел.

– Вы имеете в виду грехопадение Адама? – догадался Марк. – Стоило ли из-за такого пустяка, как съеденное яблоко, лишать человечество места в раю?

– Дело не в яблоке, Марк. Жизнь в раю невозможна, если человек живет не верой, а собственной логикой.

– Вот как, – напрягся Марк. – Я никогда не считал, что жить логикой – это плохо.

– Увы... – Индус покачал головой, и в его глазах появилось виноватое выражение. – Я должен вас разочаровать. Логические конструкции строит наш разум. А он опирается на очень шаткую базу. Наш разум не способен учесть ошибок прошлых воплощений, он не видит будущего. Разум способен опереться лишь на реалии сегодняшнего дня. Вам не страшно жить, принимая решения на такой зыбкой почве?

– Конечно, хотелось бы расширить возможности нашего разума, – уклончиво ответил Марк. – Но я не думаю, что он настолько беспомощен, как вы пытаетесь это показать.

– К сожалению, настолько, – индус откинул со лба черную курчавую прядь и вздохнул, словно сожалея об ограниченных возможностях разума человека. – Наш разум не способен ответить ни на один серьезный вопрос. Например, в какую сторону нам двигаться. Вы только что заметили, что человек всегда выбирает путь страданий. А кто направляет нас по этому пути? Разве не наш разум? Это он просчитывает наши ходы, выдавая их за единственно верные, хотя на самом деле они изобилуют ошибками и просчетами.

– Ну хорошо, а кто способен подсказать нам путь без ошибок? Вы?

– Ну что вы?! – Индус опять улыбнулся своей мягкой улыбкой. – При чем здесь я? Мы же договорились, что свои проблемы каждый решает сам. Путь без ошибок нам может подсказать наше подсознание, которое связано с Создателем Вселенной. Подсознание, которое не зависит от нашего разума. Подсознание...

– Простите, но я не понимаю, что такое подсознание, – несколько раздраженно перебил Марк, чувствуя, как спокойствие и умиротворенность покидают его.

– Давайте заменим слово «подсознание» словом «вера», – Учитель пристально взглянул на Марка, вероятно почувствовав в его голосе новые нотки. – Вера в себя, в то место, которое занимает каждый человек во Вселенной, вера в Творца. Адам жил в райском саду, ведомый только верой. Плод с древа познания добра и зла дал ему кроме веры еще и логику. Со временем люди все больше теряли веру. Она в их душах уступала место разуму и логике.

– Между прочим, это привело нас к цивилизации, – выпалил Марк.

– Конечно, – кивнул Учитель. – Но кого цивилизация сделала счастливым? Человек все так же решает проблемы, все так же не может от них избавиться и все так же хочет сойти с пути страданий и тревог в век космоса, как хотел этого в век каменного топора. А разум гонит нас по одному и тому же пути. Боюсь, гонит к пропасти.

Индус замолчал. Марк облизал пересохшие губы. Ему не хотелось возражать, но и согласиться с тем, что он только что услышал, не мог.

– Неужели у того, что вы называете верой или подсознанием, больше возможностей, чем у разума? – Марк смотрел прямо в глаза индусу. – Что могут они дать нам? Разум дал цивилизацию. А ваша вера?

– Вера дает свободу. Человек свободен, потому что не зависит от другого человека. Он зависит только от Творца.

Марк облегченно вздохнул. До сих пор он не находил достойных аргументов для продолжения спора, и это раздражало его. Но последняя фраза Учителя показалась ему нелепой и смешной.

– Вот с этим я никак не могу согласиться, – произнес он. – Никто не убедит меня в этой галиматье.

– Конечно, – улыбнулся Учитель, которого вовсе не обидело и даже не расстроило слово «галиматья». – Не только вас. Любого, у кого в душе нет веры, невозможно убедить.

– При чем тут это? – отмахнулся Марк. – В любой момент своей жизни человек зависит от других людей. Его могут подвести приятели, предать жена, уволить начальник или несправедливо обвинить полиция.

Учитель смотрел прямо в глаза Марка, и пауза затянулась. Марк выдержал взгляд, вцепившись пальцами в мягкую ткань подлокотников кресла.

– Полиция может обвинить, – наконец заговорил Учитель. – И начальник может уволить. Но уверены ли вы, что это будет лишь выражением воли начальника, а не следствием совокупности поступков и мыслей уволенного человека? Или следствием его поступков в предыдущих жизнях?

– Вот вы как рассуждаете, – Марк усмехнулся и взглянул на собеседника словно на базарного воришку, пойманного с поличным. – Во всем, что происходит с нами, виноваты только мы. Все, что происходит, – воля Творца. Вы действительно так считаете?

– Да, я считаю именно так.

– Тогда я могу без труда разрушить вашу систему взглядов, – Марк вновь ощутил биение жилки под глазом и подумал, что не надо бы ему заводить себя, но азарт спора уже охватил его. – Вот возьму и уволю самого лучшего своего работника, которого просто не за что наказывать. Что скажете тогда?

– Во-первых, нам не дано знать, кого и за что следует наказывать, а во-вторых, не делайте этого. Незаслуженно уволенный работник найдет себе работу, да еще, возможно, на лучших условиях. А вот у вас начнутся проблемы. Можете мне поверить.

Индус не изменил тона, но на Марка почему-то накатила волна страха. Этот человек так уверенно и спокойно говорит о том, что скрыто от глаз и никому не известно. Неужели он избран какими-то высшими силами и выполняет их волю? Или это все уверенность опытного афериста?

– Не пугайтесь, – мягко проговорил Учитель. – Я не имею в виду ничего конкретного. Я просто хочу сказать, что не следует во всем соглашаться с разумом. Особенно когда он советует поступиться достоинством, честью или свободой, ну, скажем, для получения каких-то привилегий или благ. Скажите своему разуму, что блага вы получаете не от людей. Человек, увы, не способен ни спасти, ни помочь.

Марк стряхнул с себя оцепенение. Нет никаких высших сил. И никто не поручал этому парню устанавливать свои порядки в этом мире. Здесь все спонтанно и зависит от случая. А все попытки найти в случайностях закономерность – не более чем подтасовка фактов. Хотя следует признать, что этот парень не промах и обработал он его довольно лихо. Еще немного – и Марк поверил бы во что угодно. Энергетикой этот индус, конечно, обладает нешуточной. Но его на эти энергетические штучки не возьмешь. Послушал и будет.

– Человек не способен ни спасти, ни помочь. Интересно! – Марк усмехнулся, нагнувшись к Учителю и понизил голос до шепота: – И вы надеетесь увлечь этими идеями жителей Земли?

Эта фраза показалась Марку потрясающе ироничной и весьма забавной. Но сумеет ли заморский гость оценить ее изящество? Индус вдруг, явно подражая Марку, изогнулся почти вдвое и приблизил свое лицо к лицу Марка.

– Жителей Земли? – индус тоже заговорил шепотом. – Нет, конечно. Всех не надеюсь. Но вас постараюсь убедить.

– Меня? – Удивленный Марк откинулся на спинку кресла. – Чем же я заслужил подобную милость?

Индус тоже медленно разогнулся и сел удобнее, утвердив ладони на коленях.

– Вы пришли сюда, хотя и не собирались. Значит, пришли за чем-то. И у вас есть проблема, помочь разрешить которую могу только я.

«Откуда он знает, что я не собирался? – подумал Марк. – Телохранитель успел сообщить? Или здесь установлено прослушивающее устройство и этот учитель слышит все, что происходит в гостиной? А потом выдает это за собственное ясновидение». Марк поднял глаза на индуса, прикидывая, как бы разоблачить его грязные игры.

– Да, у меня действительно есть проблема, – проговорил он почти ненавидящим тоном. – Меня бросила жена, с которой я прожил тридцать семь лет. У меня возникли неожиданные затруднения с работой. И появились проблемы со здоровьем. Я стал плохо спать. Неужели вы беретесь все это разрешить?

– Нет, не берусь, – индус развел руками и улыбнулся, словно, не замечая пристального взгляда Марка. – Я же сказал, что решать свои проблемы каждый должен сам. Я могу вам только подсказать. Ваша проблема вовсе не в жене, не в вашем спонсоре и не в здоровье...

«Откуда он знает про спонсора? – мелькнуло в голове у Марка. – Об этом в гостиной речи не было. Об этом он вообще ни с кем не говорил. Ни с Зиной, ни с Верочкой. Неужели этот человек... Нет, этого не может быть. Он просто угадал». Марк сказал о затруднениях с работой, вот он и упомянул спонсора. И попал в точку. Случайность.

– Мои проблемы не в жене и не в здоровье? – Марк хотел, чтобы его голос звучал спокойно и легко, но не получилось. Он сам услышал нотки злости и раздражения в голосе. – А в чем же тогда?

– В кармическом узле, – спокойно произнес индус и даже плечами пожал. Дескать, это же понятно и просто.

Глаза Марка сузились в маленькие щелочки, а губы разошлись в широкой улыбке. Вот оно и началось. Непонятные термины. Чакры, ауры. А сведется все к предложению пройти курс лечения за умеренную плату.

– В кармическом узле, – повторил он. – Вот оно что. То-то я смотрю, что-то меня все время душит. Оказывается, узел.

– Узел, – кивнул индус, словно не замечая злой иронии в голосе Марка. – И вам лучше этот узел развязать. Как можно скорее.

– Развязать? – это слово Марк произнес очень медленно и продолжил прежним ехидно-ироничным тоном: – А с кем меня связал этот кармический узел? Если с красивой блондинкой, может, не стоит его и развязывать?

Марк пожалел, что произнес эту фразу, прозвучавшую грубовато, но на лице индуса не дрогнул ни один мускул.

– Кармический узел связал вас с вашей дочерью.

Марк вздрогнул, ощутив, как перехватило дыхание. Готовые вырваться слова застряли в гортани. Сохранить прежний иронично-насмешливый тон не удалось.

– Простите, уважаемый господин, но вы ошиблись, – он говорил спокойно и негромко, тоном, который должен заставить этого человека прислушаться и осознать всю меру его неправоты. – У меня нет дочери. У меня есть сын. Ему тридцать пять лет. Он живет в германском городе Дюссельдорфе, и если бы он звонил чаще...

Индус кивнул.

– Я знаю, что у вас есть сын. Но я говорю не о нем. Я говорю о вашей дочери.

Марка охватила непонятная злость. Она поднималась откуда-то из живота и заполняла собой грудь и голову, давя на виски и стесняя дыхание. Он же сказал этому типу, что у него нет дочери. Он же сказал. К чему настаивать? К чему спорить с очевидным?

– Я говорю вам, уважаемый господин... – начал Марк тоном, по которому любой здравомыслящий человек понял бы, что ему лучше остановиться. Но индус не обратил на тон Марка никакого внимания.

– Я говорю о вашей дочери, – повторил он, перебивая Марка.

В какую-то секунду в голове у Марка мелькнуло, что лучше ему замолчать. Может быть, даже встать и уйти. Не говоря ни слова. И даже не прощаясь. Чтобы не наделать глупостей. Чтобы не высказать в лицо этому пророку, этому ловкачу, этому путешественнику по странам все, что накопилось в душе за время странной беседы. Марк даже начал приподниматься из кресла, но в последнюю минуту передумал. «Почему я должен бежать?» – возмутился он. Нет, он не убежит с поля боя. Он доведет этот разговор до конца. Он не станет кричать или лезть в драку. Он спокойно и четко объяснит этому человеку разницу между молодыми дурачками и разумным человеком, знающим цену лгунам и способным разоблачить афериста.

– Я понимаю вас, – спокойно и тихо, как и задумывал, проговорил Марк. – Неплохой трюк для провинциальной гадалки. Надо будет порекомендовать его нашим доморощенным ясновидящим. Любой мужчина за свою жизнь где-нибудь да накуролесил. И кто поручится, что у него не растет дочь в каком-нибудь захолустном городишке, куда судьба забрасывала его в командировку? Вы, конечно, имеете в виду неизвестную мне дочь, которая тянет ручонки и зовет папу в одном из таких городков...

– Нет, я имею в виду известную вам дочь, – таким же спокойным тоном индус перебил Марка.

Марк осекся на полуслове. Он начал понимать, что имеет в виду этот человек, но не был готов в это поверить. Он хотел крикнуть, что все это сон, что этого просто не может быть. Но горло Марка словно захлестнуло невидимой петлей, дыхание перехватило. Марк закрутил головой, чтобы не задохнуться. Но индус, кажется, не замечал страданий собеседника.

– Я имею в виду, – индус на мгновение прикрыл глаза и закончил фразу, – вашу дочь, которая погибла на железнодорожном переезде.

Марк хотел вскочить, но неведомая сила прижала его к спинке кресла. Он тяжело дышал, он не мог вымолвить ни слова и не сводил с индуса ненавидящего взгляда.

– Вам нехорошо? – участливо спросил Шихарита.

Марк замотал головой. Сейчас это совершенно не важно. Хорошо ему или не хорошо. Он должен знать, откуда этому человеку стала известна тайна, о которой в Израиле не знал никто?! Ни один человек! Откуда?!

– Вы помните свою дочь? – спросил индус, глядя Марку прямо в глаза.

Марк кивнул.

– Вы помните день, когда она погибла?

Подбородок Марка дрогнул, и он кивнул еще раз.

– Помню, – хрипло проговорил он. – Пятнадцатое ноября 1977 года. Но откуда? Откуда вы знаете... Откуда вам...

Марк хотел закончить фразу, но спазм перехватил горло. В глазах потемнело. Он успел откинуть голову на спинку кресла и вдруг увидел Иланку...

Глава 5

– Иланочка, доченька, собирайся, допивай свой сок и поехали. Баба с дедом ждут.

Марк появился на пороге квартиры, оттирая руки от масляных подтеков тряпкой, распространявшей вокруг себя стойкий запах бензина.

– Ну как? – Нателла брезгливо потянула воздух носом.

– Тарахтит, – Марк махнул рукой и покрутил головой. – Надеюсь, доедем. Вернемся, буду чинить по полной программе. А вообще в утиль надо сдавать этот хлам.

– И на чем ездить будем? – улыбнулась Нателла, забрала тряпку из рук мужа и пригладила его растрепавшиеся волосы. – Иди мойся, вам пора выезжать.

Марк спрятал руки за спину, чтобы не коснуться ими дочери, и наклонился к ее лицу.

– Иланочка, солнце мое, ты готова?

Он поцеловал девочку в нежную щечку.

– Не хочу к деду, не хочу к бабе, – закапризничала Илана, расплескивая на пол сок.

– Не хочешь к деду с бабой? – Марк сделал страшные глаза и присел рядом с дочкой. – Там же море.

– Не хочу море, – девочка заплакала, и стакан в ее руке задрожал мелкой дрожью.

– А дед тебе куклу купил, – привел Марк еще один довод.

– Не хочу куклу. Хочу маму, – мягкой ручонкой девочка смахнула слезы.

Марк поцеловал девочку еще раз и повернулся к жене.

– Что это с ней? Она же так любит к твоим на дачу ездить.

– Не выпалась, – отмахнулась Нателла. – Не обращай внимания, иди мыться.

Марк отправился в ванную, но внезапно появившееся чувство тревоги усиливалось с каждой минутой. Не заболела ли Иланка? Он закрутил кран, чтобы шум льющейся воды не заглушал все остальные звуки, и крикнул:

– Нателла!

Жена отозвалась не сразу. Ему пришлось позвать ее еще и еще раз. Наконец он услышал голос Нателлы.

– Что случилось?

– Пощупай лобик ребенка. Может, у нее температура...

– Нет у нее никакой температуры, не придумывай. – Нателла почти кричала то ли от раздражения, то ли чтобы перекрыть шипение жарящейся на большой сковородке картошки. – Я тебе говорю, не выпалась. Сейчас сядет в машину, поспит, и все будет в порядке. Мойся, у нас и так мало времени.

Времени действительно мало. Ему надо отвезти дочь к родителям жены, а живут они километрах в тридцати от Баку, в дачном поселке Бузовны, вернуться, помочь Нателле собрать вещи, добраться до аэропорта, откуда они улетят на неделю в Чехословакию. И на все про все – не более четырех часов. Успеть они, конечно, успеют. Сорок минут на дорогу в Бузовны и столько же на обратный путь. Это полтора часа. Пусть два. Значит, на сборы и дорогу в аэропорт у них будет два часа. Этого вполне достаточно, если учесть, что поездка в аэропорт никогда не занимала у него больше пятидесяти минут. Так что никаких проблем. И вдруг он вспомнил: машина. Старенький «москвичок», подаренный тестем, может подвести. Сегодня утром он в очередной раз не завелся, и Марк сам нырнул под капот, так как связываться с гаражами не было времени. К счастью, проблема оказалась простой: залило свечи зажигания. Провозившись полтора часа и высушив каждую свечу под вентилятором, Марк мотор завел. Но выдержат ли старые свечи еще пару поездок? Конечно, лучше было бы их заменить, но где же он сегодня найдет новые? Значит, придется выкручиваться. Если он дотянет до Бузовнов

и обратно, можно считать, повезло. До аэропорта, в крайнем случае, они доберутся на такси. Это лучше, чем гонять туда машину и оставлять на стоянке.

Приняв такое решение, Марк вытер руки, еще пахнущие бензином и машинным маслом, и вышел из ванной.

– Я готов.

– Ну и хорошо, – Нателла обернулась и поцеловала его в кончик носа. – И Иланка успокоилась. Поезжай, а то потом будет спешка. Моих поцелуй, скажи, что я им позвоню из аэропорта. Или уже из Праги. Короче, сам разберешься с тестем и тещей. Не маленький.

– Разберусь, – Марк сжал ладонями тонкую талию жены и с удовольствием почувствовал прикосновение ее крепкой высокой груди...

...Марк уже завел машину, когда Нателла вынесла Иланку на руках и усадила на детский стульчик, жестко привязанный специальными ремнями к заднему сиденью автомобиля. Стульчик привез тесть из командировки в Италию. «Ребенок во время движения должен быть надежно защищен, – сказал он, передавая подарок Марку и вскидывая вверх свой профессорский палец. – В цивилизованных странах уделяют этому особое внимание. Теперь и мы не будем отставать».

Тесть не привык от кого-либо отставать. Он всю жизнь боролся за первенство в любом виде деятельности и требовал того же от своих близких – жены, дочери, а теперь еще и от Марка. Марк с благодарностью принял кресло и пообещал «не отставать».

– Илана, ты будешь слушаться папу? – закончив сложную процедуру застегивания ремней, обеспечивающих ребенку безопасность во время движения, о которой так пекутся в цивилизованных странах, Нателла поцеловала дочь и дала ей в руку любимую куклу Ирку.

– Буду, – кивнула девочка и прижала кукольное личико к щеке. – А то папа не сможет рулить.

– Умница! Ты же все понимаешь, моя маленькая! – восхитилась Нателла и захлопнула дверь.

Марк нажал на газ, проверяя, как работает двигатель. Вроде все нормально. Доберется.

– Не задерживайся там. – Нателла погладила мужа по щеке через открытое окно водительской двери.

Марк поцеловал ее в теплую ладонь.

– Не беспокойся. Мы все успеем.

Несмотря на позднюю осень, воздух был еще теплым, но Марк, опасаясь, что девочку продует, закрыл окно. Город разъезжался по домам, готовясь к вечернему отдыху. Водители торопились, боясь опоздать на трансляцию футбольного матча между местным «Нефтяником» и московским «Спартаком», сигналили изо всех сил и старались опередить друг друга на светофорах. Марк ввязался в эту нервную гонку, и, несмотря на отчаянно чихающий мотор, ему удалось на Московском проспекте резко увеличить скорость. Мысленно торжествуя и чувствуя себя рекордсменом, установившим мировое достижение в беге на сто метров, Марк обернулся, но Иланка была еще слишком мала, чтобы оценить блистательные водительские способности папы. Она убеждала куклу покушать, засовывая между ее пластмассовыми губками веточку кинзы. Воодушевленный Марк нажал на газ, увеличивая скорость практически до максимальной.

...Светло-серый «жигуленок» он заметил в последнюю минуту. Водитель в нарушение всех правил решил миновать поток машин по обочине. Он выскочил перед Марком как черт из табакерки. Высунутая из открытого окна рука, по мнению водителя «Жигулей», должна была служить одновременно и оправданием всех его действий, и индульгенцией на любое нарушение правил. Марк резко нажал на тормоз и вывернул руль влево, чтобы избежать столкновения. К счастью, на соседней полосе в этот момент не было машин.

– Ах ты, сука, – в голос выругался Марк, краем глаза наблюдая, как «Жигули» по-хозяйски пристраиваются на полосе, с которой только что вытеснили Марка. Марк нажал на газ, легко обогнал не успевшие набрать скорость «Жигули» и резко вывернул руль вправо, возвращаясь на покинутую полосу. Он успел заметить выражение ярости на лице водителя «Жигулей», услышал визг тормозов и понял, что спорная полоса осталась за ним. «Сегодня просто день побед, – подумал он, набирая скорость. – Как в песне: «Нам нет преград ни в море, ни на суше...»

Состояние умиротворения и гордости прервал резкий сигнал и крик. Марк сначала не понял, откуда он доносится, посмотрел на соседнюю полосу – она была пуста. Светло-серые «Жигули» догнали его по обочине и теперь мчались рядом, выбрасывая из-под колес мелкие камни и клубы пыли. Окно машины было по-прежнему открыто, из него высывалось искаженное ненавистью лицо водителя, молодого парня с курчавыми черными волосами и тонкими классическими усиками над верхней губой. Он что-то кричал, пытаясь достать рукой до машины Марка. Марк с трудом разобрал слова.

– Останови! – вопил парень. – Останови машину, сволочь!

В его глазах горела волчья уверенность в собственных силах. Марк испугался. Этот уса-тый казался стихией, неотвратимой и всепоглощающей, как землетрясение или пожар, от кото-рой нет спасения. В голове мелькнула мысль остановиться и перекрыть движение по шоссе. Тогда водители машин, едущих за ним, станут свидетелями стычки. Скорее всего, они разни-мут их, и никакой драки не получится. А вдруг этот мерзавец успеет ударить его ножом? А вдруг он оскорбит его так, что не продолжить драку на обочине будет просто невозможно? Лучше попытаться оторваться и избежать встречи. Нет времени на потасовку. Да и Иланка в машине. Конечно, если бы не она... А так надо избежать скандала любым путем.

Марк нажал на газ, увеличивая скорость до предела. Светло-серый «жигуленок» попы-тался вывернуть с обочины на шоссе, но ехавший за Марком грузовик отчаянно засигналил и не уступил место. Поток машин закрыл от Марка противника, Марк перестроился в край-ний левый ряд. Ладони, лежавшие на руле, тряслись. Он несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь. «Чего это я так испугался? – уговаривал он себя, высматривая светло-серые «Жигули» в зеркальце заднего вида. – Подумаешь, обычный уличный скандалист». Марк украдкой бросил взгляд на Иланку. Девочка ничего не замечала, продолжая играть с куклой. Марк огляделся. Прямо за ним уже шла черная «Волга», за ней – микроавтобус, а по соседней полосе – огромный рефрижератор. Светло-серые «Жигули» отстали.

Марк решил прибавить скорость. Он хорошо знал этих быстро заводящихся по любому пустяку южан. Сейчас этот тип мечется с полосы на полосу, давит на клаксон, требуя от всех уступить ему дорогу, поливает Марка отборной бранью, перебрасывает ногу с педали газа на тормоз, пробиваясь сквозь поток машин. Лучше от него оторваться, насколько позволит ста-ренький мотор.

После поворота на Бузовны поток машин на шоссе поредел, но светло-серых «Жигулей» не было видно. Неужели этот уса-тый оставил его в покое? А что? Что он такого ему сделал? Подумаешь, не дал проскочить перед собой. На шоссе такое случается сплошь и рядом. Если по каждому пустячному поводу устраивать драку... И, в конце концов, он сам виноват. Нечего было так нахально втискиваться между машинами. Мог бы посигналить, ему дали бы войти в поток. Марк бы сам с удовольствием посторонился.

Прямо перед Марком тревожно замигал красный сигнал и начал закрываться шлагбаум. Марк придавил тормоз и остановил машину. За ним тут же начала выстраиваться длинная колонна грузовиков, легковушек и автобусов. И вдруг... Он даже не заметил, в какой момент из глубины колонны вынырнули эти проклятые светло-серые «Жигули». Они ехали по пустой встречной полосе вдоль стоящих машин очень медленно, останавливаясь около каждой. Води-тель «Жигулей» явно искал кого-то, и у Марка не было сомнений, кого именно. Водитель

«Жигулей» не торопился, понимая, что если противник находится в колонне, то ему никуда не деться. Что он хочет сделать, этот отвратительный тип со своими тоненькими усиками? Драться при всех? А вдруг он в своем идиотском приступе злости ударит своей машиной по машине Марка? А на заднем сиденье Иланка. И вообще, ему надо как можно быстрее доехать до тестя с тещей. У него самолет через несколько часов. Нет, он не станет рисковать всем из-за какого-то идиота, который решил во что бы то ни стало выяснять отношения прямо на шоссе. Он должен избежать этой встречи. И он ее избежит.

Марк резко вывернул руль влево и тронул машину с места. Если ему удастся проскочить перед поездом, а этому типу – нет, погоня будет закончена. Через два километра развилка, пусть гадают, в какую сторону свернул Марк. А там еще восемь километров и дача.

Марк выехал на пустую встречную полосу и прибавил скорость. В зеркальце заднего вида он видел, как светло-серые «Жигули» тоже начали ускорение. Марк представил себе торжество этого типа с усиками. Он нашел того, кого искал, и сейчас догонит. Марк миновал шлагбаум, перекрывавший только часть шоссе, и повернул руль, пытаясь вернуть машину на свою полосу. Со стороны Баку гудела, приближаясь, электричка. Надо успеть. Марк придавил педаль газа, машина выскочила на бетонную плиту, уложенную между рельсами, и вдруг ее тряхнуло и начало разворачивать. Марк успел нажать на тормоз, пытаясь понять, что произошло. Левое заднее колесо машины соскочило с плиты, задний мост машины лег на бетон, а правое колесо в одиночку не могло сдвинуть машину ни на сантиметр, а только визжало, обтираясь о плиты и дымясь от бешеного вращения. Краем глаза Марк видел приближающуюся слева громаду отчаянно гудящего поезда. В зеркало заднего вида он увидел успевшие затормозить перед шлагбаумом светло-серые «Жигули».

«Если он меня ударит сзади, он вытолкнет меня отсюда», – мелькнуло в голове. Марк высунул руку из окна. Ему хотелось каким-то движением так оскорбить этого усатого, чтобы он, потеряв голову, вонзил свою машину в застрявший на переезде «Москвич». Но «Жигули» уже стояли перед шлагбаумом, и усатый скандалист, выбравшись из своей машины, во все глаза смотрел на застрявший по его вине «Москвич». Внезапно машина Марка дернулась и продвинулась вперед на несколько сантиметров. Потом еще и еще. Из всех сил Марк давил на газ, заставляя двигатель уже не реветь, визжать. Передняя часть машины пересекла рельсы. Еще немного, и он успеет. Еще немного. Ну! Ну! Давай!

Электричка врезалась в машину под крик ужаса столпившихся у шлагбаума водителей. Они видели, как машину мгновенно разорвало на две части. Переднюю вместе с водителем отбросило в сторону придорожных деревьев, а заднюю поволокло по рельсам, переворачивая и сминая в лепешку...

Глава 6

Марк, все еще тяжело дыша, смотрел на собеседника, пытаясь понять, что же произошло в этой комнате несколько секунд назад. Откуда... Откуда ему стало известно про его дочь и про ее страшную гибель? Откуда? В Израиле он не рассказывал об этом ни одному человеку. Даже Ольга об этом не знала. Ни в одном его документе не было упоминания ни о Нателле, ни о погибшей дочери. Никто в этой стране не знал и не мог узнать о них.

А этот сидящий перед ним человек все узнал. И теперь Марк понимал, что не выйдет из этой комнаты, пока не выяснит, откуда ему все стало известно?

– Вы недавно были в Баку? – спросил он, пытаясь нащупать хоть какую-то зацепку, которая даст ему возможность разобраться в этой странной истории.

– Я никогда не был в этом городе, – покачал головой Шихарита. – И никогда не встречал ваших бывших родственников. Если вы это имеете в виду.

Да, он имел в виду именно это. Хотя уже понял, насколько нелепы его предположения. Можно допустить, что индус лжет, что он был в Баку и виделся там с Нателлой. Можно даже предположить, что Нателла рассказала ему историю гибели их дочери, рассказала, как они с Марком развелись через несколько недель после трагедии, может быть, даже назвала его имя и его фамилию. Но Нателла не знает, где он сейчас живет. Да и если бы знала, что с того? Он-то попал в эту комнату совершенно случайно. Дурацкая блажь Верочки... А что, если Верочка... Что Верочка? Сговорилась с Нателлой и с этим учителем, чтобы заманить его сюда? Бред. Совершеннейший бред. Для чего ей это нужно? Получить власть над ним? Ерунда! Все это абсолютная ерунда. Не виделся индус с Нателлой, и она ничего не рассказывала ему об их дочери. И Верочка тут ни при чем... Тут что-то другое. Что-то такое, что способно полностью перевернуть всю его жизнь.

Марк физически ощущал, как давит на него что-то невидимое и тяжелое, заполнившее собой комнату. Он несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь стряхнуть с себя этот давящий груз, и поднял глаза на Шихариту. Тот сидел, не сводя с Марка тяжелого и, как казалось, отстраненного взгляда. Равнодушие индуса больно полоснуло Марка по сердцу.

– Откуда вам известно про мою дочь? – хрипло проговорил Марк. – Никто в этой стране...

– Не трудитесь просчитывать варианты, – сухо заметил пророк. – Вы продолжаете опираться на силу своего разума, а он в данной ситуации плохой помощник. Вам придется поверить, что я получаю информацию из иных источников и не нуждаюсь в сообщениях людей.

Марк хотел было пошутить по поводу иных источников информации и даже открыл было рот, но не произнес ни слова. Он чувствовал, как из глубин души вновь поднимается злость на этого человека, прочно сидящего в своем кресле и считающего себя вправе вмешиваться в жизнь других людей, доводя их до иступления.

– Простите, Марк, – мягко проговорил индус, вновь безошибочно почувствовав настроение собеседника. – Простите, если я доставил вам несколько тяжелых минут, но вы ведь сами спросили меня, по какому пути вам пойти, и я посмел дать вам совет.

– Совет? Но пока я не услышал никакого совета.

– Почему же? Я посоветовал вам развязать кармический узел, которым вы связаны со своей погибшей, простите еще раз за напоминание, дочерью.

– О каком узле вы говорите, черт вас возьми, если девочка умерла, когда ей не было трех лет?

– Трех лет не было ее физическому телу, то есть тому физическому телу, в котором она родилась в тот раз, – возразил индус. – А кармическая связь завязывается между душами

людей. Материальный мир, в котором мы с вами живем, тесно связан с миром духовных энергий. Там все и происходит.

Марк почувствовал, как по спине побежали противные холодные мурашки. Что значит «в тот раз»? Неужели он хочет сказать, что был и другой раз? Марк вцепился в подлокотники кресла, стараясь сдержать нарастающую дрожь в пальцах. Ему хотелось выскочить из этой комнаты и никогда больше не видеть сидящего напротив него человека, но он понимал, что ни за что не сделает этого, пока не разберется во всем услышанном до конца.

– Родилась в тот раз, – хрипло проговорил он. – Вы хотите сказать, что она может родиться еще раз?

Индус все так же неторопливо кивнул.

– Пока между вами существует кармическая связь, ее душе не обрести покоя, – он помолчал и добавил: – Как и вашей. Она вынуждена возвращаться раз за разом сюда, на землю, в этот материальный мир, пытаясь найти решение связавшей вас проблемы.

– Возвращаться раз за разом?! – проговорил Марк. – Моя дочь вернулась на землю?

– Нет, – жестко сказал индус. – Ваша дочь на землю не вернулась. Вернулась душа, которая когда-то была облечена в тело вашей дочери. Но на этот раз она родилась в другом теле.

– В другом теле... – Марк едва шевелил губами.

– В другом, – подтвердил индус. – Но с той же надеждой, с тем же стремлением и с той же задачей. Развязать узел, который душит ее. И вас, Марк.

– И меня? – Марк часто-часто закивал головой. – Значит, все мои беды... Все мои проблемы... Которые в последнее время... А-а... Понимаю. Но почему именно сейчас?

– Потому что пришло время развязать узел, – индус смотрел Марку прямо в глаза. – Сделайте это, Марк. Не тащите его в свою следующую жизнь. Лучше все решить в этой.

– Но я ничего не понимаю, – простонал Марк. – Какой узел, кто его завязал, когда, где, почему? Что я должен сделать? Что вообще происходит, черт побери!

Индус молчал. Марк поднял на него глаза.

– Вы можете мне ответить на эти вопросы?

Индус покачал головой.

– Нет, Марк. Простите. Разобраться в своих проблемах вы должны сами. Я могу лишь помогать вам. На этом этапе я сделал все, что мог. Теперь все зависит от вас.

– От меня? – Марк вытер со лба холодную испарину. – Но как я могу что-то предпринять, если я даже не понимаю, о чем идет речь.

– Вы поймете, Марк, поверьте, придет время, и вам откроется эта тайна. Только не надо спешить. Не перепрыгивайте через ступени.

– Хорошо, – кивнул Марк, – у меня нет иного выхода, я должен во всем подчиняться вам... И я подчиняюсь. Вы победили.

– Нет, Марк, нет. Мы не говорим ни о подчинении, ни о победе. Я только помощник. Вы сможете легко обходиться без моей помощи и сделаете все сами. А я просто расскажу вам то, что известно мне о ее новом воплощении. Расскажу то, что я могу сообщить вам.

Марк замер. Он жаждал услышать следующие слова индуса и боялся услышать их. Он поднял руку, чтобы остановить следующую фразу. Шихарита молча смотрел на него, на его лице по-прежнему не шевельнулся ни один мускул. «Еще не поздно уйти, – металась шальная мысль в голове Марка. – Еще не поздно вскочить и убежать».

– Еще не поздно... – подтвердил индус, не меняя ни позы, ни выражения лица. – Вы сами вольны выбрать свое будущее. Мы говорили об этом в начале нашей беседы, и теперь пришло время выбирать.

Марк откинулся на спинку кресла. Пришло время выбирать. Что выбирать? Из чего? Выбирать – значит поверить. Во что? В существование какого-то кармического узла? В то, что его дочь, его погибшая Иланка, маленькая, доверчивая Иланка, прижимавшая кукольное

лицо к своей щеке и кричавшая: «Папочка!» под грохот приближавшейся электрички, жива? Нет, он в это не поверит никогда. Ее крик до сих пор стоит у него в ушах. Он видел, во что превратилось ее маленькое тело. Он помнит, как упал в обморок тесть, стоявший рядом с ним там, в морге. Он не превратится в глупого фанатика. Но он закончит этот разговор. Он выяснит, что происходит в этой комнате и в этой квартире.

– Я слушаю вас, – хрипло проговорил Марк. – Я хочу знать все. Где она? Где моя дочь?

Индус молча кивнул, и в его глазах появилось выражение предпринимателя, начинающего сложные переговоры.

– Судя по моим расчетам, – индус помедлил, словно хотел дать Марку возможность сосредоточиться, – она родилась через 15 лет 201 день 5 часов 42 минуты и 5 секунд после своей гибели.

Марк поднял голову, но сказать ничего не успел.

– Не беспокойтесь, Марк, – быстро проговорил Шихарита. – Вы прекрасно запомните эти цифры.

– Вообще-то у меня память не очень, – осторожно проговорил Марк.

– Эти цифры вы запомните, – повторил индус.

– 15 лет 201 день 5 часов 42 минуты и 5 секунд, – повторил Марк. – А погибла она в ноябре семьдесят седьмого. Значит, родилась... Пятнадцать лет. Это девяносто второй. И еще двести один день. В девяносто третьем?

Индус кивнул.

– Ей сейчас двадцать семь лет, – проговорил Марк, чувствуя, как в уголках глаз закипают слезы. – Она совсем взрослая девочка. А где она родилась?

– В России.

– В каком городе?

– Мне неизвестно его название. Мне вообще не известны названия. Только цифры. Но это большой город, расположенный в двух с половиной тысячах километров от ее прежнего места рождения.

– А где она сейчас?

– Не знаю.

– А как ее фамилия?

– Этого я тоже не знаю. Я же говорю вам, Марк, мне известны только цифры.

– Ее зовут, как и прежде, – Илана?

– Не знаю. Возможно, ее имя сохранилось. Возможно, оно просто похоже на прежнее.

– И это все, что вы мне можете о ней сообщить?

Индус помедлил и кивнул.

– Это все.

– Как же я найду ее? – в отчаянии выкрикнул Марк.

– У вас для этого вполне достаточно информации, – мягко сказал Шихарита. – Но сейчас главный вопрос – не как найти, а нужно ли вам ее искать? На этот вопрос можете ответить только вы сами. И только себе.

Марк открыл было рот, но индус остановил его движением руки.

– Не торопитесь. Вам не нужно давать ответ немедленно. Вам вообще не нужно давать мне ответа.

– Но... – начал Марк и замолчал, тяжело дыша.

Шихарита не сводил с него глаз.

– Но, – повторил Марк, – если я найду ее... Как я этот узел... Этот кармический узел... – он сделал рубящее движение ребром ладони. – Что это вообще за узел? Что это такое?

– Вы все поймете, – мягко проговорил индус. – Не торопите события. Никогда не торопите. Все происходит в нужное время. Когда будет нужно – решение придет. Решение всегда приходит в нужный момент, если, конечно, человек выполняет свою миссию на этой земле.

– Значит, в этом моя миссия? – почему-то шепотом спросил Марк.

Шихарита не ответил. Даже не пошевелился. Марк понял, что ответа на этот вопрос не будет.

– Могу ли я еще когда-нибудь рассчитывать на вашу помощь? – Марк поднялся, решив, что аудиенция закончена.

– Если в этом будет необходимость, я готов помочь вам, Марк.

– Но как я пойму, есть в этом необходимость или нет?

– Марк, – мягко произнес индус и тоже поднялся из своего кресла, – ваш разум пытается, по своему обыкновению, понять сразу все. И, как это обычно бывает, не понимает почти ничего. Не пытайтесь просчитать ситуацию на много ходов вперед. Живите сегодняшним днем, живите ближайшим решением. Не думайте о будущем. Оно выстроится само. Если в нем будет место для меня, я приду. Не знаю, как, не знаю, когда, не знаю, куда, но приду.

Кари Шихарита сложил руки перед грудью и поклонился. Марк не сводил глаз с индуса. Тот выпрямился и смотрел не мигая прямо в глаза Марку. От этого пронзительного взгляда Марку стало не по себе. Неужели этот человек сказал правду? Неужели он не добивается каких-то своих неведомых целей? Неужели не ищет выгоды? Марк поднял глаза на индуса. Тот поднял ладони и поклонился еще раз. Марк рассеянно кивнул в ответ и бросился к выходу. У самой двери он остановился.

– До свидания! Наверное, я должен что-то заплатить за визит.

– Вы мне ничего не должны, Марк. Оставьте условности. Вам предстоит принять непростое решение. Я желаю вам не отступать.

Марк закрыл за собой дверь. Навстречу ему из салона шел ангел-убийца, за его спиной маячило лицо Верочки.

– Ну как, Марк? – заверещала она. – Тебе понравилось? Ты у него сидел почти сорок минут. А говорил, что зайдешь на десять. Видишь, какой он интересный человек. Я же говорила тебе, я говорила.

Ангел-убийца напряженно следил за каждым движением Марка.

– Вам нехорошо?

– Нет, нет, все в порядке.

– Что с тобой? – Верочка вклинилась между Марком и ангелом-убийцей, в полной готовности оказать необходимую помощь. – Ты не очень хорошо выглядишь. Он что, напугал тебя? Он тебе что-то предсказал? Что-то со здоровьем?

– Нет, нет, – повторил Марк, – все нормально. Он мне ничего не предсказывал. Мы просто беседовали.

– Хорошо, – Верочка решила взять ситуацию под контроль и склонилась к уху Марка. – Тогда я сейчас зайду к нему, поболтаю минут двадцать, а потом мы поедем к тебе. И я тебе сделаю массаж.

Она сделала ударение на слове «массаж», и он почувствовал прикосновение к ушной раковине влажного кончика ее язычка. Марка словно током ударило. Он вздрогнул и отстранил от себя Верочку.

– Не сегодня, дорогая. Я вспомнил, что должен бежать. Извини, но я тебе перезвоню. У меня встреча. Я совсем забыл. Я спешу.

– Марк! – обиженно отшатнулась она. – Ты что, меня бросаешь?

– Прости, но мне надо ехать. Я тебе обязательно позвоню. Обязательно. Но сейчас я должен бежать. – Он повернулся к ангелу-убийце и протянул ему купюру достоинством в двести шекелей. – Вы вызовете моей даме такси?

Телохранитель кивнул.

– Как? – прошептала Верочка. – Как? Ты...

Не слушая ее возражений и не замечая слез, показавшихся в уголках ее глаз, Марк выскочил из квартиры и помчался вниз по лестнице. Выйдя из подъезда, он глубоко, всей грудью, вдохнул прохладный вечерний воздух и, только подходя к машине, вспомнил, что не называл недавнему собеседнику своего имени. Откуда же тот узнал его? Откуда?

Глава 7

Марк поднялся и сел на кровати. Который час? Половина первого. Значит, он провалялся два часа. Два часа он лежал в одной позе, не сводя глаз с какой-то темной точки на сверкающем белизной потолке, и пытался привести в порядок мысли. Но получилось это плоховато. Мысли путались, выхватывали из подсознания куски разговора с Шихаритой. Перед глазами мелькало лицо индуса, и звучал его голос: «Пришло время развязать узел. Сделайте это, Марк. Не тащите его в свою следующую жизнь». Марк поднялся с кровати. Хватит! Так с ума сойти недолго. Он больше не будет думать о том, что с ним произошло. Шихарита прав. Разум слаб и не способен оценивать ситуацию во всем ее многообразии. Если в его жизни уже произошли эти проклятые перемены, если он потерял жену, работу и покой, он должен докопаться до первоисточника всех бед. Он должен найти эту девушку.

Марк вышел из спальни, вошел в кабинет и сел за рабочий стол. Достал из ящика чистый лист бумаги, взял ручку из деревянного стакана и записал на листе дату гибели Иланки.

15 ноября 1977 года.

Затем подумал и записал: 15 лет 201 день 5 часов 42 минуты и 5 секунд.

Индус и здесь оказался прав. Он действительно запомнил эти цифры. Странно. Ему казалось, что он не способен запомнить и номера телефона. Так. Дальше. 77-й год плюс 15 лет. Это 1992-й. Теперь надо прибавить 201 день. Марк считал, загибая пальцы и выстраивая на листе строй палочек. От 15 ноября до Нового года 46 дней. И еще 155 дней от 1 января 1993 года. Это получается. Марк записал на лист названия месяцев, количество дней в них и начал складывать. 155 дней. Это получается... На листе появилась дата. 4 июня.

Теперь с часами. В котором часу он выехал из дома? Марк закрыл лицо ладонями. Страшные картины того дня вновь поплыли перед глазами. Лицо усатого водителя «Жигулей». Надвигающийся поезд и крик Иланки: «Па-п-а-а-а! Папочка!»

В котором же часу это было? Из дома он выехал около шести. А добрался до того переезда... Марк закрыл глаза, и перед его внутренним взором вдруг поплыли часы на приборном щитке его «Москвича». Да, он их все время видел перед собой. Неужели подсознание зафиксировало время? Стрелки показывали шесть часов двадцать пять минут. Марк открыл глаза. Теперь надо прибавить пять часов. Это одиннадцать двадцать пять. Плюс 42 минуты и пять секунд. Получается... Марк записал на листе дату: 5 июня 1993 года, 00 часов 7 минут.

Он подчеркнул эту строчку. Потом подумал и подчеркнул второй чертой. Значит, 5 июня. Теперь надо определить место ее рождения. Марк подошел к шкафу и раскрыл дверцы. Где же эта карта?

Большую карту СССР он привез с собой. На границе строгий таможенник долго рассматривал ее, искал пометки, вероятно, на месте секретных городов и заводов, потом спросил: «Для чего она вам?» Марк пожал плечами и ответил: «На память». Карту подарил ему отец в день окончания школы, и Марку не хотелось с ней расставаться. Таможенник проверил дату выпуска карты и небрежно швырнул ее в распахнутое чрево чемодана.

Марк перебрал книги на полках. Неужели Ольга выбросила карту? Она могла. Она всегда страдала от привычки Марка собирать то, что ей казалось «всяким хламом». Газетные вырезки, справочники, карты, схемы городов. Марк выдвинул нижние ящики, плотно забитые бумагами. Вот он, этот «всякий хлам». Ольга просто набила бумагами эти ящики и никогда больше к ним не прикасалась. Марк опустил на колени и перебрал пожелтевшие листы. Господи, сколько же здесь всего. Ольга была права. Для чего ему все это? Марк достал брошюру. «Пособие для репатрианта», изданную министерством абсорбции в 1979 году. Свеженькая книжица, ничего не скажешь! Марк перелистал пособие и швырнул его в мусорную корзину. А это что? Статья о приезде в Тель-Авив провинциального театра из СССР. Какой это год? Ага, 1989. Это уже

перестройка. «Наш визит в вашу страну стал возможен благодаря новой, более открытой политике советского руководства и прежде всего Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева, – сказал нашему корреспонденту режиссер театра Иван Викулов». Марк усмехнулся, скомкал статью и отправил ее в ту же корзину. Надо разобрать эти ящики. Нечего держать в доме хлам. «Жаль, Ольга ушла, – усмехнулся Марк, – вот бы она обрадовалась такому решению». Наконец Марк добрался до самого дна. Ага! Вот и карта.

Марк развернул плотную бумагу, проклеенную на сгибах прозрачной лентой. На маленьком свободном пространстве кабинета карта не поместилась. Марк тяжело поднялся, потащил карту в салон и разложил там на ковре. Теперь ему нужна веревка. Марк сходил на кухню и в ящике для инструментов нашел тонкую бечеву. То что надо. Вернувшись в салон, Марк склонился над картой, по масштабу отмерил на бечевке две с половиной тысячи километров и завязал на нужном месте узел. Начало веревки прижал пальцем к кружочку с надписью «Баку», другой рукой натянул узел и повел его по карте. Сначала узел ушел в просторы Европы, затем утонул в водах Северного Ледовитого океана, обогнул Северную Землю и, наконец, вернулся на сушу в районе Восточной Сибири. Марк двигал узел, но на его пути не попадалось ни одного крупного города. Новосибирск и Красноярск остались западнее. Марк медленно двигал узел по междуречью Лены и Енисея. Неужели Братск? Нет, узел обошел и этот кружок. «Сейчас выяснится, что на этом расстоянии от Баку нет ни одного крупного города, и все закончится, – усмехнулся Марк. – Что я буду делать тогда? Бежать к этому индусу и выяснять отношения. Или мне придется...» Узел уперся в крупный кружок. Марк даже вздрогнул от неожиданности. Он пригнулся к самой карте и прочел: «Иркутск». Марк добросовестно довел узел до государственной границы СССР, но больше никакого города на пути узла не встретилось.

– Значит, Иркутск, – пробормотал он. – Она родилась в Иркутске 5 июня 93-го года в семь минут первого.

Что ему делать теперь? Лететь в этот Иркутск. Копаться в архивах и книгах роддома? Это немыслимо. Марк взглянул на веревку с узлом, на расстеленную на ковре карту и покачал головой. Похоже, он занимается какой-то ерундой. А мог бы заниматься делом – тискать в постели аппетитную Верочку...

Хотя почему надо лететь? Есть телефон, значит, сначала можно позвонить. Найти номер того самого роддома и... А код Иркутска? Где его искать? Марк сложил карту и понес ее в кабинет. Обошел стол, выдвинул ящик. Его взгляд упал на корзину для мусора. «Справочник репатрианта». Конечно! Марк бросил карту на стол и выхватил из корзины «Справочник». Наскоро перелистал. Вот они, коды. Согласно заголовку, государство заботилось о том, чтобы новые граждане страны не теряли связи с родными, оставшимися в СССР. Москва, Ленинград, Новосибирск... Трясущимися руками Марк перевернул страницу. Биробиджан, Омск, Иркутск. 3262.

Марк закрыл справочник и бережно положил его на стол. Он был прав. Ничего не надо выбрасывать. Все рано или поздно может пригодиться. Марк придвинул к себе телефонный аппарат. Черный сверкающий куб с красными кнопками. Этот телефон Ольга привезла из Таиланда. Говорила, что он – ручной работы и приносит удачу. Что-то пока никакой удачи этот кусок мрамора ему не принес. Может быть, сейчас...

Марк набрал код международной связи, код России, код Иркутска и остановился. Положил трубку. Что делать с номером телефона? Интересно, из скольких цифр состоят номера телефонов в этом Иркутске? В Москве номера семизначные. Значит, в Иркутске они, скорее всего, шестизначные. Хорошо, попробуем еще раз. Код международной связи, код России, код Иркутска. Марк помедлил секунду и шесть раз подряд нажал на двойку. Аппарат, приносящий удачу, на мгновение замер, а затем Марк услышал ровный женский голос: «Номер набран неверно. Повторите, пожалуйста, набор». Марк опустил трубку на сверкающие рычаги. Значит, номера в Иркутске не начинаются с двойки. Ничего, он попробует еще раз. У него вся ночь

вперед. Сейчас. Сейчас он нащупает, с какой цифры начинаются номера в этом городе. Марк вновь набрал коды и номер, начав его с пятерки. Сначала трубка молчала, затем он услышал негромкий щелчок и почти сразу короткий гудок. «Есть!» – обрадовался Марк, ощутив восторг охотника, уложившего одним выстрелом свирепого кабана. Второй гудок, третий. Вновь щелчок и сразу вслед за ним Марк услышал недовольный женский голос:

– Алле!

– Здравствуйте! – осторожно произнес Марк, судорожно соображая, как завести разговор. – Простите, пожалуйста...

– Кто это? – перебила его женщина.

– Скажите, это Иркутск?

– Ты что, мужик, набрался с утра пораньше? Или до сих пор не проспался? – зло выпалила женщина и, подумав, добавила: – Козел!

В трубке зазвучали короткие гудки. Марк положил трубку и сел за стол. Этот «козел» его почему-то не обидел, а рассмешил. «Вот она, Россия, – подумал он, – глубинка. Сибирь». Но полезную информацию из разговора он все-таки вынес. Как она сказала? «Набрался с утра пораньше». Значит, в Иркутске уже утро. Прекрасно! Можно продолжать.

Марк набрал коды и начинающийся с пятерки номер. Молчание, щелчок, гудки и детский голос:

– Алло! Кто это?

– Здравствуй, мальчик! – голосом Колобка, сидящего на носу у волка, пропел Марк. – В каком городе ты живешь?

– Я живу в Иркутске! – браво прокричал мальчуган. – А ты кто? Дед Мороз?

– Какой ты умный мальчик, – искренне восхитился Марк и с удовольствием подтвердил версию малыша. – Конечно, я Дед Мороз. А где твоя мама?

– Мама, мама! – услышал Марк. – Дед Мороз звонит!

– Алло! – откликнулся в трубке женский голос, он звучал ровно, в нем не было скандально-визгливых нот, как в голосе той, которая назвала его «козлом».

– Здравствуйте! – поспешно сказал Марк.

– Здравствуйте! – ответила женщина.

– Простите, пожалуйста, мне нужна помощь, – выпалил Марк и поспешно добавил: – Я звоню из Израиля.

– Откуда?

– Из Израиля. Из Тель-Авива.

Женщина замолчала.

– Алло, – осторожно проговорил Марк. – Вы меня слышите?

В трубке послышалось легкое покашливание.

– И что вам нужно?

– Мне нужно выяснить фамилию девочки, которая родилась в начале первого ночи в роддоме вашего города 5 июня 93-го года.

Женщина молчала.

– Вы слышите меня? – осторожно спросил Марк.

– Вы сумасшедший? – спросила женщина вполне серьезным и даже участливым тоном. – Из какого Тель-Авива вы звоните? Какая девочка?

– Я не сумасшедший! – закричал Марк, понимая, что у него есть несколько секунд до момента, когда трубка на той стороне будет брошена на рычаги. – Я действительно звоню из Тель-Авива. Я заплачу за информацию.

– Заплатите? – в голосе женщины впервые прозвучал интерес к разговору. – Так что вам все-таки нужно?

– В ночь на 5 июня 93-го года в роддоме вашего города родилась девочка. Мне нужно знать ее имя и фамилию.

– В каком роддоме?

– В каком? – Марк растерялся. – А у вас их несколько?

– У нас их семь, – сухо сказала женщина.

– Я не знаю, в каком, – упавшим голосом проговорил Марк. – Но если вы проверите во всех, – он быстро добавил, – я заплачу вам за работу.

– Сколько?

– Пятьдесят долларов, – поспешно выпалил Марк и тут же исправился. – Сто долларов.

– За сто долларов я согласна, – сказала женщина. – Как я получу деньги?

– У нас сейчас ночь, – сказал Марк и на всякий случай добавил: – В Тель-Авиве. Утром, то есть через семь часов, я отправлю вам срочный перевод. Вы зайдете на почту и получите деньги. А после этого раздобудете мне информацию.

Женщина молчала.

– Вы меня слышите? – спросил Марк. – Вас что-то не устраивает?

– Я вас слышу, – ответила женщина. – Но я не совсем понимаю, какую информацию я должна получить. Как зовут эту девочку, которой вы интересуетесь?

– Я не знаю, как ее зовут. Может быть Илана. Или Елена. Ирина. Изольда. Или что-то в этом роде. Мне известно только точное время ее рождения: семь минут первого 5 июня 93-го года.

– А если таких девочек будет несколько?

– Значит, вы сообщите мне обо всех.

– А если мне придется заплатить за эту информацию?

– Все расходы за мой счет, – жестким тоном работодателя сказал Марк. – Я вышлю вам утром не сто, а сто пятьдесят долларов. Только назовите мне свою фамилию.

– Это еще зачем?

– Мне нужно знать, на кого отправлять деньги. Кроме того, мне нужен номер вашего паспорта и адрес.

Женщина помолчала и сказала нерешительно.

– Ну, я не знаю.

– Без этого я не смогу отправить вам деньги.

– Ну хорошо, – женщина вздохнула. – Меня зовут Екатерина Мороз. Записывайте номер паспорта.

Марк на клочке бумаги записал набор цифр и букв, название улицы и номер дома. Переспросил. Женщина подтвердила. Все верно.

– До свидания! – сказал Марк. – Через восемь часов можете получить деньги на ближайшей почте. А вечером я позвоню.

– Хорошо, – согласилась женщина. – Через восемь часов? Это половина пятого вечера. Почта еще будет работать. До свидания!

И положила трубку.

Марк как зачарованный сидел за столом. Неужели он найдет эту девушку? Неужели в том, о чем рассказал ему этот уверенный в себе индус, есть хоть какой-то смысл? Марку показалось, что с момента его свидания с индусом прошла целая вечность. Он взглянул на часы. Половина второго. Теперь можно и поспать. Марк вдруг почувствовал, что веки слипаются и зрачки уходят куда-то под потолок. Он сделал несколько шагов к дивану и, не раздеваясь, провалился в его кожаное чрево.

Глава 8

Марка разбудил солнечный зайчик, плясавший на переносице. Он приоткрыл правый глаз, отмахнулся от яркого луча, но тот, словно играя, перескочил на другую половину лица. Марк прикрыл глаза ладонью и покосился на часы. Пять минут десятого. Марк резко поднялся и сел на диване. Он давно не чувствовал себя таким отдохнувшим и бодрым. Сколько же он спал? Часов семь. Не меньше. Такого с ним не было уже три недели. С тех пор, как ему начала являться во снах эта женщина с холодными глазами и прической из какого-то далекого прошлого. Марк вспомнил прошлые ночи. Короткое забытие, ужас пришедшего видения, пробуждение, опять провал в темный сон и новое страшное пробуждение. Сегодня его мучительница не появилась. Что это с ней? Неужели и она имеет отношение к этому неведомому узлу, связавшему его с погибшей дочерью и неизвестной девушкой, родившейся в далеком Иркутске в ночь на 5 июня 1993 года? Неужели все то, о чем говорил вчера этот индус, правда? Он, Илана, кармический узел, который надо развязать, звонок в Иркутск. Стоп! Звонок в Иркутск! Он же обещал утром отправить деньги. Марк посмотрел на часы. Четверть десятого. Надо торопиться. Чтобы эта женщина из Иркутска успела забрать деньги до закрытия почты. Только надо ли ему отправлять эти деньги? «Сто пятьдесят долларов пожалел», – усмехнулся засевший где-то внутри голос. Ничего он не пожалел. Дело не в долларах, хотя в его нынешнем положении выбрасывать деньги на ветер – последнее дело. А в чем тогда дело? «Узел уперся в крупный город на территории СССР? Уперся. Ночная мучительница сегодня не явилась? Не явилась. Так чего же ты сидишь и рассуждаешь, вместо того чтобы одеться и бежать», – возмутился голос.

Марк поднялся с дивана, наскоро расправил помявшуюся рубашку, привел в порядок брюки. Выдвинул ящик стола, достал из пухлой пачки две стодолларовые бумажки и пошел к выходу. У самой двери он остановился. «Не пытайтесь просчитать ситуацию на много ходов вперед, – вспомнил он мягкую интонацию Кари Шихариты. – Живите сегодняшним днем, живите ближайшим решением».

«Хорошо», – покорно согласился Марк, засунул купюры в карман и вышел из комнаты.

* * *

На работу Марк не поехал. Вернувшись с почты, он позвонил Зине, сослался на нездоровье, отверг ее предложение «приехать и чем-нибудь помочь» и завалился на диван. Теперь ему оставалось только ждать, пока его деньги дойдут до Иркутска и там начнутся поиски. В голове металась обрывки мыслей. Верочка, индус, Илана, серо-голубые глаза, смотрящие на него с ненавистью. Он сошел с ума. Он, всегда такой рассудительный и степенный, способный отделять главное от второстепенного, любящий покой и порядок, в течение суток превратился в сумасброда и фанатика, отправившего без раздумий и колебаний полторы сотни долларов в небытие, непонятно кому и непонятно зачем, превратился в безумца, готового искать на краю света неизвестную девушку, к которой он не имеет никакого отношения и о которой он знает только то, что она родилась двадцать семь лет назад, в ночь на 5 июня. Это гипноз. Это был обычный гипноз. Шихарита загипнотизировал его. И он сам рассказал ему об Илане. Конечно. Ведь он сто раз читал о таком. Подопытные кролики впадают в транс, рассказывают гипнотизеру о событиях своей жизни, а потом, придя в себя, удивляются его пророчествам. Прими- тивный фокус. Вот только для чего Шихарита провернул с ним этот фокус? Денег он с Марка не взял. Значит, дело не в деньгах. А в чем?

Господи! Марк вскочил с дивана и заметался по комнате. Верочка! Конечно. Ведь это она заманила его к индусу. Он же еще вчера об этом подумал. Эта негодяйка хочет получить

роль Дездемоны. И готова действовать любыми методами. Не очень надеясь на свое женское обаяние, она решила привязать Марка к себе. Предположим, она заплатила Шихарите, и тот провел сеанс гипноза. Выведал у него историю про дочь и придумал всю эту сказку с кармическим узлом. А он развесил уши. Поверил, дурак.

Марк подошел к телефону и поднял трубку. Сейчас он позвонит этой стерве и скажет ей все, что думает. И о ней, и о ее доморощенном гипнотизере, и о ее претензиях на роль в его театре. Сейчас он ей покажет Дездемону. Сейчас. Сейчас он выступит в роли Отелло.

А сон? Ведь сегодня впервые за три недели он проспал семь часов подряд. И эта женщина с холодным взглядом не пыталась его убить. Марк опустил трубку на рычаги. Это ни о чем не говорит. Просто после ухода жены он находился в нервном возбуждении, а сеанс гипноза его успокоил. Этот Шихарита, сам того не желая, привел его в чувство. Но какой ловкий тип! Как быстро и незаметно он провел сеанс гипноза.

Марк подошел к зеркалу и ткнулся лбом в его прохладную поверхность. В нескольких сантиметрах от глаз он видел отражение своих странно расширенных зрачков. Марк, Марк. Взрослый, умный человек. А пошел на поводу у дешевых аферистов. В Иркутск звонил, деньги отправил.

«Так тебе и надо, – вслух сказал Марк. – А сто пятьдесят долларов – плата за глупость. И скажи спасибо, что не полторы тысячи».

Хотя почему глупость? Это не глупость. Это самое настоящее преступление. Никто не имел права гипнотизировать человека без его согласия. В конце концов, он живет не в какой-нибудь Тмутаракани, а в цивилизованной стране, где права граждан защищают полиция и суд. И никому не позволено влезать в его подсознание и копаться там по просьбе какой-то интриганки. К Шихарите у него претензий нет. Он получил деньги и выполнил свою работу. Он простой исполнитель. А вот Верочка. Чертова кукла! Она сразу показалась ему одержимой. Еще тогда, в лесу, когда въезжала ему в пах своим бедром. Надо было сообразить, что ради своих прихотей она способна на все. Ну ничего. Если индус согласится дать против нее показания, то проблемы, и проблемы серьезные, ей обеспечены. А значит, надо ехать к Шихарите и говорить с ним серьезно, по-мужски, без всяких шуточек с гипнозом.

Марк осмотрел свое отражение. Неплохо. Он выглядит выспавшимся и отдохнувшим. Сегодня индусу не удастся его загипнотизировать. Он вытрясет из него правду. И никакой телохранитель ему не поможет. В крайнем случае Марк прямо из квартиры вызовет полицию.

Марк схватил со стула куртку, проверил, на месте ли ключи от машины, и выскочил из квартиры.

* * *

Машины он оставил на том же месте, что и вчера, – напротив подъезда дома 107 по улице Роках – и на лифте поднялся на четвертый этаж. Сейчас он нажмет на кнопку звонка, и появится этот тип с тяжелой челюстью. А вдруг он его не впустит в квартиру. Или у этого индуса будут посетители... Ничего, Марк подождет. Только не надо начинать скандал сразу как войдет. Напротив, надо прикинуться удрученным, подавленным и жаждущим помощи. Тогда телохранитель постарается организовать ему незапланированную аудиенцию. А вот когда они останутся один на один... Марк заставит его выложить все. И про Верочку, и про гипноз. Марк глубоко вздохнул, пытаясь унять противную дрожь в коленках и слабость в животе. Почему у него всегда в преддверии потасовки начинает крутить живот?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.